

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 5 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 14-15 (394-5)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара, на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris. Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

11 Августа 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Исай Львович Юдин (с портретом).
К биографии И. Л. Айзенштадта - Юдина. — Похороны И. Л. Юдина.
Передовая: Положение о плебисците.
Ю. Осокин. Загадка московского «сфинкса».
И. Греков. Заметки: Так кто же был прав? — Услужливый... медведь. — Рождение героя.
П. Гарви. Испанский узел.
В. Александрова. Революция и культура.
Ф. Дан. Марсельский съезд.

Заграницей: Делегация Соц. Ин-ла Молодежи в Испании. — Съезд Итальянской социалистической партии. — «Прекрасная Австрия». — Коммунисты и «ониум». — В защиту социалистических заключенных в СССР.

По России: Новые аресты. — Психологический надлом. — Коммунистические «отцы и дети». — Ворошилов — Тухачевский — Сталин.

Из партии: М. И. Бройдо (некролог).

Издания, поступившие в редакцию. — От редакции.

Фельетон: Марк Рудовский. Сульбы советской молодежи.

Исай Львович Юдин

Еще один старый, едва ли не старейший, член нашей партии сошел в могилу. В феврале мы праздновали 70-летие Исаея Львовича Юдина (Айзенштадта). А меньше чем через полгода, в ночь на 21 июля, перестало биться его усталое сердце: бурный приступ остро-го недомогания в какую-ни-будь неделю свел его в моги-лу...

Последние два-три года дру-зья Исаея Львовича с все воз-растающей тревогой следили за неумолимо накапливающимися признаками разрушения его когда-то столь крепкого орга-низма. И все же разразивший-ся удар оказался неожидан-ным, как всегда бывает нежиданной катастрофа, разруша-ющая нечто дорогое, ценное и во многих отношениях незаме-нимое, нечто такое, с утратой чего не хочет мириться мысль, против потери чего бунтует сердце. А Исай Львович всей цельной личностью своей, всем своим духовным обликом был

ИСАЙ ЛЬВОВИЧ АЙЗЕНШТАДТ-ЮДИН
(19.2.1867 — 21.7.1937)

как бы воплощением тех мо-рально-политиче-ских ценностей, которые, как воздух, нужны такой пар-тии, как наша, от блестяще-го прошлого через безвреме-нье настоящего протягиваю-щей нити к славному будуще-му, в которое она верит, ко-торое она готовит, в борьбе за которое заключается един-ственный смысл ее нынешнего, подпольно-эмигрантского, при-душенного существования.

Помещаемые ниже черты из биографии почившего товари-ща напомним читателям глав-нейшие этапы кипучей и са-моотверженной работы Исаея Львовича за те годы и десяти-летия, когда рабоче-социали-стическое дело, которому он с юности отдал свою жизнь, непрерывно росло вширь и вглубь, когда радостная уве-ренность в победе делала лег-кими все подвиги и все жерт-вы, озаряла ослепительным светом надежды и угрюмые

стены тюремных казематов, и мрак подполья, и унылые будни эмиграции, самое тяжкое поражение позволяла воспринимать лишь как временную заминку на пути к несомненному конечному торжеству. Но те же биографические даты и данные почти ничего не могут сказать о том другом, новом и бесконечно тяжелом периоде жизни Исае Львовича, который наступил для него, как и для всей партии, когда на политическую авансцену начали все определеннее выступать противоречия п о б е д и в ш е й революции и признаки пассивности утомленных революцией масс, с одной стороны, все усиливающегося и принимающего все более ужасные формы вырождения возглавившей революцию власти, с другой; когда насилие и террор этой вырождающейся власти все более отнимали у партии всякую возможность активной политической работы, все более отрезали ее от рабочего класса, в служении которому она росла и в непрерывном и тесном общении с которым она только и может обрести новую жизнь; когда партия была наконец насильственно вытеснена в эмиграцию и в такое глубокое и непроницаемое подполье, какого она не знала за все время своего существования; и когда поражения международного социализма в ряде стран, присоединившиеся к собственному поражению русской социалдемократии, казалось, должны были убить в ней всякую веру в дело, которому она служила десятилетия, и всякую надежду на возможное возрождение.

Такие периоды, когда политическому деятелю приходится работать не на эффектно освещенных подмостках исторической сцены, а в ее глубоких и темных ложах, неблагоприятны для в н е ш н е й биографии: и партии, и каждому отдельному члену ее приходится больше всего, если не исключительно, рассчитывать на свои в н у т р е н н и е морально-политические ресурсы. Но в такие периоды и встает во весь свой морально-политический рост ч е л о в е к, полностью раскрывается его подлинная д у х о в н а я сущность.

Исай Львович, в течение свыше полутора десятка лет проходивший вместе с партией этот несказанно тяжелый период, который кончился ныне для него, но еще далеко не закончился для партии, выдержал с честью испытание, посланное ему мачехой-историей. Именно за эти мрачные годы партия, особенно ее русская часть, по-настоящему узнала этого заслуженного деятеля Бунда, научилась любить, ценить и уважать его, быть может, больше, чем когда бы то ни было в эпоху самого блестящего расцвета его политической работы.

Никакие испытания не могли сломить его и хотя бы на минуту поколебать его в беззаветном служении тому делу, которому он раз навсегда посвятил себя. До самой могилы донес он нетронутой поистине ю н о ш е с к у ю веру в марксистский социализм и в великое призвание той партии, с которой он органически сросся: юношескую не только по пылкости энтузиазма, но и по абсолютному отсутствию обиженного старческого брюзжания, упорно неплывающего за добрые старые догматы, лозунги и формулы и упорно противопоставляющего их тем новым формам, в которых в новой исторической обстановке рвутся к воплощению неумирающие принципы социалдемократии.

Нет, на склоне своих лет, в размагничивающей и отупляющей обстановке такой почти «абсолютной» эмиграции, какою оказалась для нашей партии эмиграция большевистской эпохи, Исай Львович нашел в себе волю и моральную силу приковать свои взоры не к безвозвратно минувшему прошлому, а к далекому, но несомненному будущему. Он понимал, конечно, что ему вряд ли придется своими глазами увидеть это будущее и своими руками передать бережно хранимое им партийное знамя тому грядущему молодому пролетар-

скому поколению, которое снова поднимет его вывесь, как символ своей борьбы и своих побед. Но это ни на йоту не ослабляло его энергии и энтузиазма в работе над идеологической и практической подготовкой партии к предстоящей ей еще великой исторической миссии. Наоборот, величие цели, которую он видел перед партией, давало ему силу на седьмом десятке лет со всею настойчивостью, до последнего дня жизни производить тот критический пересмотр идейно-политического багажа, и партийного, и своего собственного, и те поиски новых позиций и новых путей, без которых не может быть возрождения для партии, потерпевшей тяжелое политическое поражение, без которых она не может найти дороги к уму и сердцу новых пролетарских поколений, выросших в новых исторических условиях и потому даже те же самые основные идеи выражающих в новых формах, в новых словах и лозунгах.

Этому будущему, этим «молодым и незнакомым» поколениям была посвящена вся мысль и вся работа Исае Львовича в последнее, эмигрантское полуторадесятилетие. Великостью цели освящались для него все акты столь невидной партийной работы. Больной, усталый, изможденный, он изо дня в день, несмотря ни на какую погоду тащился из одного конца огромного города в другой, в контору «Социалистического Вестника». Только острое заболевание и категорические настояния врачей могли заставить его на день-два прекратить выполнение своих обязанностей. И должно было случиться что-либо уже совсем из ряда вон выходящее, чтобы Исай Львович пропустил заседание клуба, в котором он председательствовал, собрание сотрудников «Социалистического Вестника» или Заграничной Делегации. Он более, чем кто-либо, имел бы право повторить в применении к себе предсмертные слова Роже Салангро: «партия была моей радостью и моей жизнью». Она, эта сжатая в комочек и полузадушенная партия, была действительно его жизнью и р а д о с т ь ю, потому что в ней он видел зародыш великого будущего и со всею страстностью боролся за то, чтобы этот зародыш сохранил свою жизнеспособность.

Вот почему образ Исае Львовича должен жить и будет жить в памяти партии, ибо только люди такого нравственно-политического калибра дают ей самой возможность жить сегодня и обеспечивают ей перспективы завтрашнего расцвета. Когда наступит, наконец, для партии этот «настоящий день», в который так страстно верил и для которого так самоотверженно работал Исай Львович, она торжественно почтит его, как одного из тех преданных сынов своих, которым она обязана своим спасением и своим возрождением. И вместе с нею почтит его память и тот российский пролетариат, которому он отдал без остатка все свои силы и всю свою жизнь и который сегодня, увы, даже не знает, какого самоотверженного слугу он потерял...

К биографии И. Л. Айзенштадта-Юдина

И. Л. родился 19. II. 1867 г. в ильне, в полузажиточной еврейской мещанской семье. Отец был крайне набожным человеком. Он учредил, главн. образом на свои скудные средства, особую молельню в Кожевенном переулке, где был старшиной и «чтецом» торы, но обладал и некоторым светским образованием. Мать получила светское образование, и зачитывалась, довольно примитивной в то время, еврейской беллетристикой.

До 8 лет И. Л. учился в начальной религиозной школе (хедере), оттуда перешел в народную школу при еврейском учительском институте, по окончании которой, в 1880 г., был принят во 2-ой класс местной гимназии. До 6-го класса И. Л. был одним из прилежнейших учеников. К тому времени материальное положение родителей сильно ухудшилось, и в

возрасте 15 лет И. Л. для заработка начал давать уроки; на зарабатываемые деньги покупал книги и выписывал газеты.

Учеником 6-го класса И. Л. был принят в нелегальный ученический кружок, где изучали т. н. письма Миртова-Лаврова, читали Михайловского и др. Кружком этим впоследствии руководил проживавший нелегально в Вильне агент Исполнительного Комитета Народной Воли Исак Дембо (погиб в 1889 г. в Цюрихе при испытании бомбы). Дембо усиленно снабжал виленские революционные кружки революционной литературой, в то время в изобилии доставлявшейся из-за границы. В начале 1887 г. Дембо передал кружку требование И. К-та в срочном порядке собрать известную сумму денег, нужную на революционный акт. Деньги были собраны, и в скором времени выяснилось, что они нужны были на организацию первомайского покушения 1887 г. Как известно, в подготовке этого покушения виленские революционные кружки активно участвовали не только денежной, но и технической помощью. В Вильне удалось раздобыть тогда некоторые химические и др. материалы, нужные для приготовления снарядов. За этими материалами в Вильну приезжал из Питера участник дела Канчер, после ареста ставший предателем, и по его указанию в Вильне были взяты тогда Пашковский и Иосиф Пилсудский. За членами нелегальных кружков было установлено усиленное наблюдение, и некоторые из них избежали ареста только благодаря своей находчивости и ловкости (Шарль Раппопорт, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, бежавшие тогда за границу, и др.). И. Л-чу повезло: по данному делу, которым он гордился, как своим революционным крещением, он остался совершенно незамеченным.

Окончив в том же году гимназию, И. Л. поступил в ярославский юридический лицей. Поддерживая связи с Вильной, откуда довольно регулярно доставал революционную литературу, он играл видную роль в народофильском кружке лицейстов и вскоре был арестован; после 11 мес. предварительного заключения был приговорен к 6 месяцам отсидки, которую отбыл в Крестах в Питере. Летом 1889 г. вернулся в Вильну, сильно разочарованный в идеологии «Н. В.», и приступил к пропаганде среди местных еврейских рабочих в духе соц.-демократии. В этой среде И. Л. одним из первых развивал идеи марксизма, и в этом одна из его величайших заслуг.

В переходе виленской группы пионеров от народофильства к марксизму, рядом с покойными Ар. Кремером, Т. Копельсоном и И. Л. и поныне здравствующими Патей Кремер, Косовским, Дж. Миллем и др., играла крупную роль покойная Любовь Исааковна Левенсон-Айзенштадт, жена И. Л-ча. Любовь Ис-на в конце 80-х годов училась в Женеве, где сблизилась с В. И. Засулич, Плехановым и П. Б. Аксельродом, а из более молодых — с Соловейчиком, и благодаря своему уму и редким душевным качествам, заняла в женевском кружке молодых при Группе Освобождения Труда видное место, пользуясь исключительной любовью «стариков».

Арестованная на границе, около Сувало, в 1889 г. с транспортом изданий Гр. Осв. Тр., она, после трех лет мучительного одиночного заключения, по выходе из тюрьмы поселилась в Вильне, где ей надлежало отбывать 5 лет гласного надзора. С момента своего появления в среде виленских революционеров, в конце 1892 г., она с присущей ей энергией и ясностью ума взялась за искоренение последних остатков народофильской идеологии в умах виленских деятелей. В этом отношении и И. Л. многим был ей обязан.

Переход к марксизму практически означал ориентацию на движение рабочего класса, с развитием политического сознания которого связывались все надежды на свержение абсолютизма. Мысль виленчан правильно предвидела развитие в России массового рабочего движения в связи с неизбежным ростом промышленности страны.

Но готовиться к организации рабочего класса и руководству его движением означало в первую очередь изучить практику этого движения в той стране, где оно шло открыто и развивалось с исключительным успехом, — в Германии. И вот, в 1893 г., Л. И. и И. Л. отправляются в Берлин, где они в течение около полутора лет с редким усердием изучают практику германской с.-д. и проф. союзов. Там же, для той же цели и с тем же усердием занялся в 1895 году в Берлине В. И. Ульянов. С ним Айзенштадты часто встречались, делились своими впечатлениями, и близко подружились. Кто мог бы тогда подумать, что через 27 лет В. И. Ульянов-Ленин укажет своему старому другу место в тусклой камере одной из своих московских тюрем?..

В обсуждении непосредственных задач марксистов в массовом движении рабочего класса России возникли, как известно, глубокие разногласия между руководящей группой пионеров и рабочими кружками Вильны и соседних городов. Руководители движения предлагали приспособить всю работу к агитации в **широких массах** рабочего класса; распропагандированные рабочие требовали продолжения пропаганды в замкнутых кружках, дорожа кружковыми занятиями,

как орудием приобщения к знанию и **личного** выхода из гнетущей темноты, в которой пребывала рабочая масса. И если руководителям движения удалось одержать победу над косностью и эгоизмом «избранных» и перейти к массовой работе, то движение этим обязано было неизсякаемой энергии и высокому уровню своих руководителей, среди которых вернувшиеся в 1895 г. из Берлина Л. И. и И. Л. Айзенштадты занимали видное место. В состав виленской группы пионеров входил в то время и Мартов, покинувший Вильну в октябре 1895 г.

«Новая тактика», которой суждена была уже через год, в 1896 г., полная победа во всероссийском масштабе, означала в еврейском рабочем движении ведение работы на еврейском языке, единственно доступном массам; в замкнутых же кружках лекции читались на русском языке, ознакомлением с которым рабочие особенно дорожили. И в этом вопросе виленской руководящей группе пришлось вести упорнейшую борьбу против прочно сплотившейся «оппозиции» членов кружков. Эта победа над эгоизмом «избранных» является исходным пунктом расцвета еврейской массовой литературы, а в дальнейшем и прессы на еврейском языке.

В 1895 г., при первых признаках расцвета промышленности страны, виленская группа, к тому времени уже вполне оформившаяся и принявшая название «Группа еврейских социал-демократов России», принимает решение приступить к работе в широком масштабе в крупных центрах черты оседлости.

Для этой цели И. Л. делегируется на юг России, в Одессу, а Л. И. Айзенштадт с С. Н. Гожанским в Белосток; работой в Варшаве руководил Дж. Милль. И. Л-чу дается, сверх того, поручение сговориться с деятелями с.-д. организаций юга России насчет **созыва общепартийного с.-д. съезда**. И. Л. с подобным поручением ехал на юг уже во второй раз.

В Одессе И. Л. успешно работает и организует первую массовую забастовку еврейских рабочих и работниц на табачных фабриках. В феврале 1896 г. был арестован, одновременно с ним были арестованы в Белостоке Л. И., Гожанский и др. Сидели до июля 1897 г. и были сосланы на 5 лет в В. С., в Вилейск. На виленском вокзале, к моменту отхода этапного поезда, собралось несколько сот рабочих, спешно мобилизованных организацией. Когда поезд тронулся, вокзал оглашался криками: «Да здравствует свобода! Долой самодержавие! Да здравствуют политические ссыльные!». Это была первая **открытая** политическая демонстрация виленских рабочих.

Вилейские годы были, как это ни парадоксально, в известном смысле самыми счастливыми годами в жизни И. Л. и Л. И. Друзья, оставшиеся на воле, снабжали их в изобилии духовной пищей, материально они не нуждались, тишина и спокойствие, царившие вокруг, благотворно действовали на расшатанные тюрьмами нервы Л. И., а изумительно чистый воздух Вилейска излечил больные легкие И. Л. В начале 1902 г. они вернулись бодрые, полные сил, со страстным стремлением вновь целиком отдаться работе. Но у Л. И. на руках годовалый ребенок — и нужно было решить вопрос: как совместить работу в российских нелегальных условиях с заботой о ребенке. Было решено: уступить ребенка младшей сестре Л. И., ныне уже покойной Берте Стоун в Нью-Йорке. И. Л. тотчас же возвращается к работе, кооптированный в Ц. К. Бунда, а Л. И. спешно отправляется с ребенком на руках к сестре в Америку, с твердым решением, сдав ребенка, вернуться в Россию к работе. К несчастью, судьба решила иначе. Расстроенное здоровье задержало Л. И. на целый год у сестры, и 26. VI. 1903 г. она внезапно умерла в Нью-Йорке от разрыва сердца.

У И. Л. идут годы интенсивной работы в Ц. К. Бунда. Незаменимый в крупных делах, он входит также и во все дела повседневной работы. Каждый деятель Бунда, который в те годы соприкасался с ним в работе, испытывал на себе изумительную силу его влияния. Каждая встреча с ним возбуждала у молодых деятелей революционную энергию и усиливала в них уверенность в успехе дела, которому они служили.

Годы ссылки, обогатившие И. Л. знаниями и по общим вопросам, заметно оторвали его от внутренних вопросов еврейской жизни. Легальной периодической печати на еврейском языке в те годы еще не было, а доходившие, хотя очень регулярно, в Сибирь номера «Арбайтерштиме» не давали в достаточной мере представления о ряде назревших вопросов еврейской жизни. Эта оторванность от волновавших тогда деятелей Бунда вопросов специально еврейских сильно чувствовалась в выступлениях И. Л-ча на 5-ом съезде Бунда в июне 1903 г. в Цюрихе. Но впоследствии этот пробел им был целиком пополнен.

Далее идет: участие в делегации Бунда на II съезде РСДРП в сентябре 1903 г., интенсивнейшая работа в годы 1904-1905, рискованное совещание российских с.-д. организаций в январе 1905 г., 6-ая конф. Бунда в феврале в Двинске, 6-ой съезд Бунда в октябре того же года в Цюрихе. Всюду мы видим

И. Л. в качестве авторитетнейшего руководителя Бунда, всюду и во всем он успешно заменяет тогда изъятую в 1905 г. арестом представителя Центр. Ком. Бунда т. Портного. Полный кипучей энергии, он руководит движением в знаменательные дни октября-ноября 1905 г., заражая всех бодрой верой в победу.

В декабре 1905 г. Бунд приступает к изданию крупной легальной ежедневной газеты в Вильне, и И. Л. назначается главным редактором ее («Дер Векер»). Но не долго И. Л.-чу суждено было тогда оставаться на свободе. Слишком хорошо знала его охранка, особенно в Вильне, где некоторые чины политической полиции в молодые годы сидели с ним на общей школьной скамье; и без всякой информации своих районных агентов они отлично понимали, что И. Л. продолжает заниматься тем же делом, за которое он в свое время попал в Сибирь. В начале 1906 г. его арестовывают, и он попадает в виленскую губернскую («лукишскую») тюрьму, начальником которой состоял знаменитый в то время Дункель, школьный товарищ И. Л.-ча. Дункель пытается дать понять И. Л.-чу, что относится к нему с величайшим уважением и пр., но И. Л. делает вид, что не узнает его и не понимает его намеков. В тюрьме И. Л. заболевает брюшным тифом, осложненным возобновившимся процессом в легких. Спасают его заботы товарищей по заключению, особенно, ныне уже тоже покойного, доктора Шабада.

По ходатайству сестры И. Л. и питерских влиятельных друзей, ссылка на север Архангельской губернии заменяется высылкой за границу, куда И. Л. выезжает в июле 1906 г. Он участвует в работах 7-го съезда Бунда во Львове, в сентябре того же года, и вскоре после этого возвращается нелегально в Россию на работу.

Рядом с общей работой Ц. К. Бунда он занят в редакционной коллегии русского еженедельника Бунда «Наша Трибуна». Трехчленная коллегия «Н. Т.» (И. Л., Медем и Заславский), поселившаяся конспиративно в Ковне, работала дружно и успела выпустить 13 номеров органа.

Затем идут выборы во 2-ую Государственную Думу, Лондонский съезд РСДРП в мае 1907 г., разгон 2-ой Думы, выборы в 3-ю Думу. Предела не было в те годы кипучей деятельности И. Л.-ча. Беспредельную энергию и настойчивость И. Л. проявлял в годы реакции (1908-1912) и распада нелегального партийного аппарата. Заслуги его за тот период составляют, быть может, одну из самых блестящих страниц его жизни.

Состоя одним из делегатов Бунда в Ц. К. РСДРП, он брал на себя работу по собиранию распыленных сил общепартийного центра. С этим были связаны поездки за границу для участия в общепартийных конференциях и пленумах и установление сношений с «русским бюро» Ц. К. РСДРП (в Москве-Туле). Это было для И. Л. истинным хождением по мукам. За границей — безстыдство и цинизм ленинских молодых, а в Москве и Туле — явное осознание полицейской паутины, опутывающей посетителя явочных квартир «русского бюро». Несколько раз во время своих многократных поездок в Тулу И. Л. опытным глазом своим точно устанавливал сеть, ловко расставленную вокруг квартир «бюро» (Линдова, Смилович и др.). И если ему удавалось всякий раз выпутываться из этой сети, то он этим обязан был своей изумительной способности сохранять при всех обстоятельствах внешнее спокойствие и своему богатому опыту в подобных делах. В то самое время, когда он из своих рискованных поездок в Москву-Тулу возвращался незамеченным в Варшаву к Ц. К. Бунда, в Москве арестовывались один за другим делегаты Ц. К. РСДРП при первых же попытках связаться с бюро Ц. К. (латышский делегат, Сверчков и др.).

В последний раз при царском режиме И. Л. был арестован в Одессе осенью 1912 г. накануне выборов в IV Гос. Думу. Ц. К. Бунда делегировал тогда в Одессу особую группу своих членов (И. Л., М. Я. Фрумкин и М. Г. Рафеса) для ведения избирательной кампании в Одессе, где был известный шанс провести с.-д. депутата в Гос. Думу. Все трое и помогавшие им в работе одесские товарищи были арестованы. Опять потянулись долгие месяцы за решеткой, вначале в одесской, затем в виленской тюрьме. Первоначальный приговор — 4 г. Нарыма — был заменен по болезни 4-мя годами Астраханской губ. 2 года И. Л. прожил в Черном Яру, с 1916 г. ему разрешили поселиться в Астрахани, где он отдавался кооперативной работе и был редактором «Астраханского Кооператора».

Февральская революция вернула И. Л.-ча к партийной работе. Избранный заместителем председателя астраханского губисполкома он в апреле 1917 г. прибывает в Петроград и возобновляет свою работу в Ц. К. Бунда. Кочевал затем вместе с бюро Ц. К. Бунда из Петрограда в Минск, оттуда в Гомель и затем в Москву.

Далее идет: раскол Бунда, собрание сил «с.-д. Бунда», работа в Ц. К. РСДРП, аресты и, наконец, после 7-дневной голодовки в большевистской Бутирской тюрьме, в начале 1922 г. — высылка за границу в составе группы видных деятелей пар-

тии, с последовавшим затем «лишением советского гражданства». А затем — 15 тяжелых лет в эмиграции, сначала в Берлине, а с приходом к власти Гитлера — в Париже, в течение которых он, последовательный сторонник «мартовской линии», принимал деятельное участие в идейно-политическом перевооружении партии и долгие годы выполнял обязанности администратора «Социалистического Вестника».

Со щемящей болью в душе мы присутствовали при прощании с И. Л. Умирая, он унес с собой частицу жизни каждого из нас, его друзей и учеников. Но мы знаем: имя его не будет забыто. Оно будет жить в сердцах тех, которые доведут до полной победы ту борьбу, которую он вел так самоотверженно всю свою долгую жизнь.

Ф. К. — ский.

ПОХОРОНЫ И. Л. ЮДИНА.

23-го июля в 1 час дня на парижском кладбище Пэр-Лашез было предано сожжению тело И. Л. Юдина-Айзенштадта, скончавшегося в ночь с 20 на 21-ое июля. Несколько сот человек собралось в зале крематория, чтобы отдать последний долг праху одного из наиболее видных ветеранов еврейского и русского рабочего движения. Товарищи И. Л. по с.-д. клубу имени Мартова и по Заграничной Делегации, члены еврейского рабочего союза «Арбейтер-Ринг» и парижской бундовской группы имени Медема, явившиеся со своими знаменами и плакатами, организация бундовской молодежи, равно как и многочисленные друзья покойного ожидали прибытия тела у ворот кладбища. С надгробными речами выступили: от имени Заграничной Делегации РСДРП и Бунда — Р. Абрамович, от редакции «Соц. Вестника» — Ф. И. Дан, от французской социалистической партии — тов. Эпштейн, от «Арбейтер-Ринга» — Р. Я. Гинцберг, от группы имени Медема — А. Менес, от с.-д. клуба имени Мартова — М. С. Кефали. На могилу И. Л. были возложены венки от ЗД. РСДРП и «Соц. Вестника», от ЦК Бунда в Польше, от «Арбейтер-Ринга», Медем-Фербанда, от клуба имени Мартова и др.

Телеграммы с выражением соболезнования по поводу тяжелой потери, постигшей наш упорный, были получены от отсутствующих из Парижа членов ЗД — Б. Гуревича и С. Шварца, от ЦК Бунда в Польше, от Национальной Экзекутивы американского Арбейтер-Ринга (за подписью Вейнберга и Баскина), от Исполнительного Комитета Еврейского Социалистического Фербанда в Америке и редакции «Векера» (за подписью Ривкина, Гебинера, Ханина, Левина-Шацкеса), от нью-йоркской группы содействия РСДРП (за подписью Виляцера), от товарищей из Латвии, от жевской группы содействия РСДРП (за подписью Любарского, Бернштейна, Герша), от грузинского товарища Арсенидзе, от т. т. Ланде и Сапир в Амстердаме, от Р. С. и И. С. Дунтовых, от Гр. О. Бинштока из Праги, от д-ра И. Блюма в Париже, тов. Л. Герба из Ниццы и др.

Траурная церемония прошла под знаком искренней скорби и глубокой любви к ушедшему от нас товарищу и другу. Собрание с глубоким волнением выслушивало ораторов, которые только с трудом могли скрывать свои собственные переживания. Пением бундовской «Шевуэ» и Интернационала закончилось глубоко потрясшее всех собрание. Урна с пеплом И. Л. замурована в Колумбарии, по соседству с урнами А. Н. Потресова и Жюль Геда.

Большие статьи с оценкой деятельности И. Л. Юдина-Айзенштадта и некрологи о нем появились в парижском «Попюлер», в бундовской «Фольксцейтунг» в Варшаве, в нью-йоркском «Форвертсе», в «Векере», в «Интернационале Информацион», издаваемой секретариатом РСИ, и в целом ряде других рабочих и демократических органов.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

Положение о плебисците

Кровавая чистка партийного и советского аппарата с каждым днем захватывает все более широкие круги и принимает все более ускоряющиеся темпы. Все ступени партийной и советской, административной и хозяйственной, военной и полицейской иерархии оказываются издавна и прочно занятыми вредителями, диверсантами и германско-японскими шпионами. Как мог генеральный вождь народов подобрать себе такой аппарат, и как мог он с таким аппаратом осуществить ряд «пятилеток в четыре года», догнать и перегнать Европу и Америку, построить бесклассовое общество и подойти к завершению социалистического строительства, — это загадка, которую, конечно, и премудрый Эдип разрешить бы не мог.

Фундамент социалистического общества построен, но строители его подлежат беспощадному уничтожению. Дело Ленина живет, но сотрудники Ленина, вместе с ним делавшие это дело, истребляются, как «бешенные собаки», в чекистских подвалах. Большевицкое боярство искореняется и вытесняется сталинской опричной, большевицкое столбовое дворянство — сталинским дворянством служилым, как в эпоху Иоанна Грозного или Петра Великого, только с гораздо большим размахом и большей, поистине садистской жестокостью. Процессы (теперь уже тайные, за закрытыми дверями), расстрелы, аресты, смещения и пр. мчатся одни за другими таким безумным вихрем, что столичная советская печать не удостаивает хотя бы петитной хроникерской регистрации даже наиболее «выдающиеся» случаи расправы. Люди, политическая биография которых занимает целые страницы большевицко-советской истории, исчезают бесследно, и, напр., о расстреле всей головки кавказского большевизма (Буду Мдивани и др.) советский гражданин узнает (или не узнает) лишь из тифлисской «Зари Востока»: «Правде» и «Известиям» некогда заниматься такими мелочами...

В этой атмосфере, насыщенной кровавыми испарениями, трагическим парадоксом прозвучало опубликованное 2 июля «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», 112 статей которого призваны обеспечить советскому гражданину свободу выборов по новой, сталинской конституции. Свобода — на крови и грязи сталинского режима! Чуждовинность этого сопоставления так велика, что парализует язык и руку даже разухабистых сталинских публицистов. С великим трудом выжимают из себя «Правда» и «Известия» две-три статейки о новом «документе величайшего исторического значения» и новым проявлении сталинского гения, — статейки, составленные все по одному и тому же трафарету: дословная перепечатка кое-каких статей «Положения», дословное — и в который раз! — повторение цитат из речей и статей Сталина, дословная долбежка все тех же площадных ругательств по адресу «троцкистско-бухаринских шпионов» и прочих врагов и супостатов и — обязательное восхваление превосходства сталинской «свободы выборов» над той вульгарной свободой, которая существует в демократических странах *).

*) С какой небрежностью и с каким расчетом на невзыскательность читателя делается казенными публицистами эта принудительная, явно уже постылая «разъяснительная» работа, можно видеть хотя бы из изумительного сообщения Д. Осипова («Пр.» 4 июля): «Народ в буржуазных странах не имеет ни права, ни возможности наметить своих собственных кандидатов. Только коммунистической партии удается еще там, где успели остатки буржуазной демократии, выдвигать своих кандидатов», и т. д. То-ли дело «у нас!» У нас свобода выставления кандидатов и «свобода агитации»

Но если сколько-нибудь серьезное обсуждение «великого исторического документа» оказалось невозможным казенным публицистам, то еще менее вмоготу оказалось оно собравшимся 7 июля на специальную сессию ЦИК'а СССР советским и партийным чиновникам. Что им «порядок выборов», когда каждого из них грызет мысль о том, что предстоит завтра ему самому: неожиданное восхождение на освобожденный от очередного «врага народа» и опустевший высокий пост, или «гробницы таинственная сень»? Сегодня ты, а завтра я... Единственная и очевидная забота высокого учреждения свелась поэтому к тому, как бы до минимума сократить тягостную процедуру «обсуждения».

Как известно, ЦИК состоит из двух «палат»: Союзного Совета и Совета Национальностей. Порядок дня и регламент каждая из «палат» голосовала, как и полагается по конституции, отдельно. Но сейчас-же, испугавшись предстоящей им долгосрочной каторги переливания воды из пустого в порожнее, «палаты» постановили заслушать доклад Я. Яковлева совместно. После длинного, вялого, по тому же газетному трафарету построенного доклада перепугались еще больше и решили и «прения» вести совместно. И, наконец, выслушав десятка три нудных, стереотипом отлитых речей, самой замечательной из которых было выступление обер-инквизитора Вышинского... в защиту прав человека и гражданина, впали окончательно в панику, прекратили словоизлияния, отказались от комиссии, единым духом проголосовали все «Положение», крикнули «ура» Сталину и, схватив в охапку кушак и шапку, разбежались и раз'ехались по домам.

Сталин мог допустить такой своеобразный порядок обсуждения потому, что для него суть — не в статьях «Положения». Взятые абстрактно-юридически и вырванные из контекста политической реальности, статьи Положения, в своем огромном большинстве, так же превосходны, как превосходны, в своем огромном большинстве, статьи новой конституции, и с этой точки зрения как нельзя более пригодны в качестве материала для агитации в пользу сталинского «демократизма» — как среди политически неискушенных масс, так и политически слишком «искушенных» сталинских «друзей». Но для всемогущего диктатора, борющегося за сохранение и закрепление своего самовластия, это все же лишь второстепенная задача. «Суть дела», как он любит говорить, заключается в том, чтобы превратить эти превосходные статьи в орудие не «самых демократических» свободных выборов, а самого недемократического принудительного сталинского плебисцита.

Неизвестно, когда состоятся выборы: советская печать отделяется неопределенным выражением: в недалеком будущем. Но выборы так или иначе приближаются, и все усилия Сталина направлены к тому, чтобы создать к этому времени обстановку, «сто процентно» благоприятную для плебисцита.

Этой цели служит смертоносная «чистка», превращающая партийный и советский аппарат в сталинскую опричнину и этой опричнине отлаивающая на поток и разграбление и те «зарегистрированные» общественные организации, которые будут выставять кандидатов, и те избирательные комиссии, которые будут организо-

обеспечены не только коммунистической партией, профсоюзам, кооперативам и т. д., но и всем общественным организациям. Им надо только — быть «зарегистрированными» в установленном законом порядке. Чтобы поймать птицу сталинской свободы выборов и агитации, надо «только» — насыпать ей соли на хвост!

вызывать выборы, подсчитывать и утверждать их результаты. Этой цели служит и заполнение книжного рынка и столбцов советской печати лубочной литературой, повествующей изо дня в день о вездесущих, адских замыслах и коварстве иностранных шпионов и разведчиков, — с тем, чтобы тут же объявить всех «троцкистов и бухаринцев» шпионами, а всех, смеющих свое суждение иметь, «троцкистами и бухаринцами», натравить таким образом на всех возможных противников сталинского единовластия доведенный до белой горячки советский патриотизм и сделать его послушным слугой ГПУ, переименовываемого на этот предмет в «советскую разведку». Этой цели служит, наконец, смещение политических противников Сталина с действительными шпионами, казнокрадами и особенно ненавистными населению маленькими местными Держимордами. Создать атмосферу всеобщей паники, запуганности, подозрительности, доносительства — вот средства, которыми Сталин рассчитывает выиграть крупную ставку, которую ему пришлось поставить на «всенародную демократию», и добиться, вопреки «тайне» выборов, так о г о Верховного Совета, который в той или иной форме закрепит его пожизненное, если еще не наследственное, единовластие.

Было бы величайшим ударом для дела советской демократии, для дела революции и дела трудящихся Советского Союза и всего мира, если бы Сталину удалось выиграть затеянную им игру. Конечно, в этой игре у него не мало козырей в руках. Но есть одно великое неизвестное: это — не столько даже настроение широчайших трудящихся масс, сколько способность и воля этих масс выразить это настроение на предстоящих «в недалеком будущем» выборах. И действительно, Сталиным будет выиграна эта игра лишь в том случае, если разнузданной им террористической и патриотической

свистопласске удастся добиться поставленной цели: внушить массам чувство безнадежности, заставить их опустить руки, отказаться от борьбы, еще не начиная ее, и принять выборы, как навязываемую им и не заслуживающую внимания «комедию», как приняли чиновники ЦИК'а поставленное на их «обсуждение» Положение о выборах.

Конечно, рабочим, крестьянам, избирателям вообще будет трудно, почти невозможно вести сколько-нибудь систематическую борьбу за те «л е г а л ь н ы е в о з м о ж н о с т и», которые так великолепно выглядят в «Положении», но за каждую из которых виднеется наган чекистских палачей. Им невозможно будет даже уклоняться от участия в выборах, чтобы б о й к о т о м их засвидетельствовать свое действительное отношение к сталинской диктатуре и сталинской политике, как это сделали недавно польские рабочие и крестьяне: в списках избирателей будет отмечаться всякий подавший голос, и тем самым отмечаться, как очередная жертва расправы, всякий не подавший. Но одно оружие в руки избирателей т а й н а выборов дает: это — вычеркивание из официального списка наиболее видных и известных «сталинцев», это — перечеркивание всего списка и превращение его в «недействительный», если и выбирать-то в списке не из кого, — что будет, вероятно, наиболее частым случаем. Лишенные возможности выразить свою волю в п о л о ж и т е л ь н о й форме, избиратели могут и должны выразить ее в форме о т р и ц а т е л ь н о й.

Разумеется, и это «отрицательное» голосование избирателей может быть и, конечно, будет фальсифицировано «подсчетом». Но, если число выразивших хотя бы в такой примитивной форме свой протест будет достаточно внушительным, оно послужит спасительным предостережением диктатору и его ставленникам, и

МАРК РУДОВСКИЙ.

Судьбы советской молодежи

Три поколения молодежи являются сейчас основой советского общества. Каждое из этих поколений складывалось и входило в жизнь в разные периоды советской власти. Первое, старшее поколение молодых людей современной России, формировалось и мужало в эпоху НЭП-а. То было тяжелое время безработицы, и молодежь начинала свое знакомство с жизнью на биржах труда. «Состояние на учете» было длительным. Здания бирж превращались в клубы молодежи.

Немногочисленные фабрики и заводы слишком медленно поглощали избыточную рабочую силу. Вопрос о квалификации, о трудовой приспособленности к жизни был тем «вечным» вопросом, который владел основной массой молодежи.

Большевики понимали, конечно, всю безвыходность положения этого поколения, изнывавшего от безделья и опасавшегося остаться за бортом жизни. Чтобы чем-нибудь занять молодежь, ей предоставили общественные работы, длившиеся 4-5 месяцев в году.

В 1925-26 г. г., положение несколько улучшается: часть молодежи попадает на фабрики и заводы, обучается в ФЗУ, часть молодежи «грызет гранит науки» на рабфаках и в вузах. Однако, безработица — бич времени — все еще остается реальной угрозой, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед очередным сокращением штатов у работающих — все это сказывается на морально-политическом состоянии неповзрослого молодняка.

В компартии в 1923 г. начинается дискуссия, которая особенно сильно разгорается впоследствии, в 1926-27 г. г. Как реагирует на нее молодежь и, прежде всего, ее единственная политическая организация — комсомол? Основная масса — никак. Она остается равнодушной к «спору вождей между собой». В известной мере это объясняется тем обстоятельством, что и комсомольцы, и беспартийные представляли собой политически сырой материал, без навыков самостоятельного мышления, без особого п о л и т и ч е с к о г о интереса к тем спорам, которые, как тогда говорили, лихорадили партию. Была эпоха малых дел, с маленькими обыденными целями: устроиться в трудном быту «мирного строительства» и — для немногих — овладеть наукой.

И только в 1926 г., на рубеже двух эпох революции, у некоторой части молодежи обнаруживаются новые настроения. Одних — расхождение между казенной оптимистической словесностью и скукой жизни приводит к упадочничеству, к глубокому пессимизму, ч певцом этих настроений становится Есенин. Других — «молодежь из притихших вузов, фабрик и заводов» — сознание того, что «н е к р а с н ы м, а р ы ж и м к р а ш е н о в р е м я», гонит назад, от рыжей действительности к героике гражданской войны. Появившимся к тому времени фадеевским «Разгромом» зачитывается вся молодая Россия.

К героическому прошлому у разных слоев молодежи

весть о нем не сможет не просочиться через избирательные комиссии и в массы населения, стимулируя их энергию для сплочения и борьбы.

Это — очень немного с точки зрения тех стран, где существует не сталинская «самая совершенная», а обыкновенная, хотя бы «самая паршивенькая» демократия. Но это было бы очень много для страны «сто-процентно» тоталитарной диктатуры, ибо в исторической тяжбе между сталинским плебисцитом и демократизацией советского режима это означало бы, конечно, еще не победу демократизации, но, по крайней

мере, первый шаг к массовой борьбе за нее, первую брешь в той безнадежной пассивности, которую живет сталинское единовластие и на которую рассчитывает сталинский плебисцит.

Только непрерывный напор и самодеятельность трудящихся масс могут превратить опубликованный 2-го июля акт — из положения о плебисците, каким он является на деле вопреки своему названию, в подлинное «положение о выборах», а самые выборы сделать начальным актом массовой борьбы за подлинную демократизацию советского режима.

Ю. ОСОКИН.

Загадки московского „сфинкса“

Бывший начальник французского генерального штаба, генерал Вейган выпустил недавно небольшую книжку «Защищена ли Франция?». Одна из глав этой книжки посвящена сжато обзору вооруженных сил различных стран, в том числе и Советского Союза. Автор оценивает в общем положительно как материальное качество вооружения, так и военную мораль советской армии, и тем не менее он более чем осторожен в своей окончательной оценке. Мощь советской армии не соответствует, по его мнению, ее количественной силе, и ее качество в случае применения в ней советской территории является загадкой.

Мы должны предоставить специалистам разбирать, насколько правильна оценка генерала Вейгана с военной точки зрения, и мы цитируем ее не потому, что считаем ее автора самым достоверным авторитетом, а по совсем другой причине. Тот факт, что генерал Вей-

ган летом 1937 года публично высказывается таким образом о советской армии, является, к сожалению, в высшей степени показательным. Вейган был тем представителем французских военных кругов, который особенно активно работал в пользу франко-советского союза. Те сторонники этого союза, которые не принадлежат к левым партиям, до сих пор ссылаются на высокий авторитет Вейгана. Влиятельный правый журналист Бюрэ неоднократно писал, что он начал кампанию в пользу франко-советского союза под прямым влиянием, оказанным на него из окружения генерала Вейгана. Если же Вейган теперь публично заявляет, что качество советской армии вне собственной советской территории является загадкой, то он дает этим сильнейший аргумент не сторонникам, а противникам франко-советского союза.

Книжка Вейгана еще не учитывает значения для со-

разное отношение. Основная масса прониклась мыслью, что нынче время негероическое, что карьера крепкого хозяйственника или красного директора скучная карьера, но только она и обеспечивает «место под солнцем социализма». Однако, как выше указывалось, у какой-то прослойки молодежи появляются признаки недовольства своей судьбой. На зарке НЭП-а в «Правде» появляется письмо «шестерых», представителей этой прослойки. «Шестеро» прямо заявляют: «Ведь наши молодые силы кипят, не находя себе приложения, только в обыденной будничной работе, которая охотно нами делается, но морально не удовлетворяет вполне. Ведь быть исполнительным чиновником, просто хорошим хозяйственником, профессионалистом, хотя и в рабочем государстве, — не значит еще быть революционером и героем». Отвечавший им М. Кольцов не без лицемерия доказывал, что в условиях мирного строительства и «подсчитывание седелок в кооперативе» дело нужное, полезное, почти героическое. «Подсчитывание седелок» вызывает протест. Молодежи хочется не пассивно приспособляться к жизни, а активно изменять ее. Эти настроения постепенно, очень медленно, начинают проникать в толщу молодежи. Но «на верхах» уже приготовлена «генеральная линия». Эти настроения учтены (они открывают ведь доступ оппозиции к молодежи). Для затасковавшей по романтике молодежи нэповского периода, как и для подросшего нового поколения, наступают новые времена.

Второе поколение молодежи вошло (вернее, бросилось) в жизнь в бурную эпоху пятилетки. Другие времена, другие требования к молодежи, иные возможности и перспективы.

Безработица сменилась «безработицей». Биржи тру-

да за ненадобностью упразднены. И, едва соскочив со школьной скамьи, молодежь спешит на фабрики и заводы, на новостройки, в далекие необжитые места.

Куда бы ни приходила эта молодежь, на строительство нового завода, или в тайгу для создания новых городов, она приходила с чем-то новым, резко отличавшим ее от обычных сезонников-строителей. Этим новым был — энтузиазм, самостоятельность в работе и, порой, подлинный трудовой героизм.

Страна отдавала строительству все свои силы. Она была посажена на голодный паек. Гигантские сооружения, ранее невиданные в России, надо было построить в кратчайший срок. Недоедая, холодая, страна работала и строила, а молодежь — с увлечением, предельно напрягая силы.

Что же заставляло молодежь так работать? Погоня за длинным рублем? Были и такие, особенно среди крестьянской молодежи, которые «старались» из-за денег. (Но длинный рубль подолгу в сундуке лежал, ибо расходовать его негде было: в кооперативах не продавали товаров, а выдавали «нормы»). Тысячи, десятки же тысяч русской молодежи увлеклись планом. Все, что план обещал, то, казалось им, и сбудется.

Молодыми поколениями владело не спортивное стремление догнать и перегнать Европу, а нечто большее: вера в то, что их руками создается подлинно бесклассовое общество, социализм; и нищая, отсталая Россия, по окончании 5-леток, станет страной изобилия. Именно это прекрасное будущее, маячившее впереди, заставляло забывать сегодняшние лишения и вызывало трудовой энтузиазм.

Строящемуся в тайге новому городу срочно понадобились бревна. Дело было в декабре. Густым тяжелым

ветской армии расправы с Тухачевским и другими генералами Красной Армии, но она отражает глубокую переоценку военного значения Советского Союза, произведенную не только Вейганом, но и очень многими во всем мире в течение последнего года. Эта переоценка определяется только отчасти наблюдениями специально военного характера, а главным образом выводами из внутреннего развития Советского Союза. Это развитие расценивается, как фактор огромного значения для международного положения, и международные следствия внутреннего русского развития могут оказаться катастрофическими.

Прежде всего, последствия эти сказываются понятным образом на территории Средней Европы, между Германией и Советским Союзом. Сила сопротивления германскому напору государств, находящихся на этой территории, определяется в значительной мере тем, в какой степени они чувствуют за собой военную мощь Советского Союза. В особенности после того, как «ось Берлин — Рим» провела черту между Средней Европой и Западной, представление, что мощь советской армии вне советской территории является загадкой, чрезвычайно ослабляет позицию этих государств по отношению к Германии. С другой стороны, на Дальнем Востоке изменившейся обстановкой сейчас же воспользовалась Япония, которая, «прошупав» несколькими провокациями способность Советского Союза к серьезной реакции, пришла к заключению, что она в настоящий момент имеет свободу движений на азиатском материке, и начала в северном Китае операцию большого размаха.

Этими фактами, которые и сами по себе в высшей степени печальны, международные опасности, вызванные или обостренные внутренними русскими событиями, еще не исчерпываются. Параллельно с переоцен-

кой прежних представлений о военной мощи Советского Союза возникают сомнения в твердости его внешне-политической линии — даже в ее основных принципах.

Вот уже несколько месяцев, как в европейской печати то там, то здесь упорно вновь и вновь ставится вопрос о возможности отпада Советского Союза от солидарной политики с Францией и Англией и о возвращении его к традиционной ориентации на националистическую Германию. После того, как по меньшей мере в н е ш н е - политическое развитие Сов. Союза представлялось в течение некоторого времени совершенно ясным, теперь снова говорят о «русской загадке», о «московском сфинксе», и над разгадкой этой загадки ломают себе больше всего голову — в особенности во Франции — именно те, кто были и являются горячими сторонниками активного сотрудничества западно-европейских государств с Советским Союзом. Для всех тех, кто считает Сов. Союз необходимым элементом европейской обороны, т. е. прежде всего для сохранения мира в Европе, против угрозы со стороны гитлеровской Германии, уже факт ослабления Сов. Союза представляется международным несчастьем, а возможность вовлечения Сов. Союза в сферу германского влияния не может не представляться иначе, как угрозой политической катастрофы.

Но где же основания для этих опасений? Почему официальные внешнеполитические заявления советского правительства не пользуются таким же доверием, как хотя бы еще год тому назад? Почему не являются в прежней мере убедительными ни ожесточенные взаимные нападки с русской и немецкой стороны, ни тот факт, что в Испании обе державы фактически уже находятся в состоянии войны?

Мы оставляем здесь в стороне различные слухи и

снегом занесло дороги. Машин не хватало. Лошади с ног сбились. Молодой рабочий предложил прорубить в реке Амуре канал. Так и сделали. «Вдоль канала поставили ребят с шестами, дали старт бревнам. Первые три часа дело шло ничего, но потом вода стала густеть, замерзать на морозе, бревна обрастали льдом и застревали в канале.

«— Вспомнить страшно, — замечает рассказчик. — Ударили мы в колокол, чтоб ребят сменить у канала. Глядим, подняли шесты вверх, машут ими, а сами ни с места. Высылаем смену, выяснить, в чем там у них дело. Бегут гонцы назад, лица на них нет. Давай, говорят, машину, попримерзла вся первая смена. Стоят, как памятники, только руками машут. Выслали машину и рубщиков с топорами. Под'едут к парню, ткнуто топором по ногам, сколют лед с него и в машину героя. А он аж звенит, так захолодал». (Павленко: «На Востоке»). Однако, работали у канала, сменяясь каждый час и греясь у костра, еще три дня. Такие «эпизоды» происходили не только на Амуре, но и на Урале, в Сибири. Везде, где строили.

Процесс же вовлечения крестьянской молодежи в ряды «строителей социализма» был более длительным, развивался своими особыми путями. Причины этого таются в той внешней форме, в которой осуществлялась первоначально генеральная линия, и в психологическом отличии рабочего от крестьянского молодняка.

Генеральная линия обрушилась на деревню, как беда. Город как бы гигантской помпой выкачивал из нее все, что мог. Начались жестокие хлебо-, мясо- и прочие заготовки. Взамен, кроме вскорости начавшейся коллективизации, она ничего не получила. Городская молодежь потому так охотно связывала свое бу-

дущее с 5-леткой, что позади оставались безработица и серые будни. Вместо куких перспектив нэповского времени, появились широкие возможности проявления личности. Затянув кушак потуже, молодежь города «смело шагала вперед». Крестьянская молодежь, более реалистически воспринимающая жизнь, никакого воодушевления в начале генеральной линии не проявляла. Свое хозяйство, свой надел, — ей было что терять. Вне этого — она до сих пор не строила планов будущей жизни. Но неуклонно, жестоко проводившаяся коллективизация, сопровождавшаяся ломкой всего деревенского быта, вызывает у крестьянской молодежи новые настроения. Появившийся на селе трактор, если еще окончательно не примиряет большинство крестьянской молодежи с коллективизацией, то, во всяком случае, заставляет «п р и м е н и т ь с я» к новой обстановке.

Постепенно изменилось общественное положение молодежи в деревне. Тракторист — и прибыльная профессия, и почетное лицо. Из молодежи вербовались бригаиры. Она все шире проникает в административный аппарат. Старики, подавлявшие ее раньше своим непрекословным авторитетом, уступают ей место рядом.

Прошлая жизнь не всем уж кажется такой заманчивой. Молодежь легче, нежели старики, отказывается от старого деревенского уклада жизни. Чем больше тракторов в деревне, тем больше становится молодых сторонников генеральной линии. Большевицские лозунги тех лет находят отклик в более широком кругу молодежи, проникающейся верой, что вскоре исчезнет «идиотизм деревенской жизни», и трактор, действительно, сотрет грани между городом и деревней. За трактором придут новые машины, облегчающие кре-

информации о тенденциях советской внешней политики. Не только слухи, но и серьезные информации являются очень противоречивыми. Но опять-таки самый факт противоречивости этих информаций, после того как советская внешняя политика в течение некоторого времени была или казалась вполне ясной и последовательной, самый этот факт является источником постоянного беспокойства. На этой зыбкой почве мы, однако, оставаться не будем. Растущее недоверие к советской внешней политике, конечно, является уже само по себе серьезным политическим фактором, но оно еще не дает основания заключать, что эта политика действительно уже находится в процессе радикального пересмотра и переориентировки. О такой общей переориентировке не свидетельствует обязательно и несомненная двусмысленность советской политики в отдельных вопросах (как, напр., в ее влиянии на поведение французских коммунистов по отношению к правительству Блюма, в частности и в особенности, в испанском вопросе). Оставим, наконец, в стороне и попытки найти указания на будущую ориентацию советской внешней политики в списках лиц, в той или иной форме «ликвидируемых» теперь в Советской России. Нельзя, однако, не отметить, что в различных министерствах иностранных дел, смотря по ориентации — со смущением или с удовольствием, — констатируют, что у Литвинова убрали уже всех или почти всех его доверенных сотрудников. Факт этот во всяком случае не способствует укреплению доверия к советской политике.

Основным остается вопрос об объективных тенденциях, определяющих внешнюю политику Сов. Союза и, так как Сталин может диктовать политику только в своем государстве, и о тенденциях германской политики по отношению к Сов. Союзу. Последний вопрос особенно важен уже потому, что инициа-

тива разрыва прежней дружбы и растущего обострения отношений между обоими государствами принадлежала не Сов. России, а Германии.

По отношению к Советскому Союзу речь должна идти прежде всего о том, как объективно влияет на его политику глубокий внутренний кризис, сопровождаемый явлениями дезорганизации в области хозяйства и ослаблением военной мощи страны. На этот вопрос дает ответ правый французский журналист Пертинакс, являющийся одним из наиболее видных сторонников франко-советского союза в правом лагере и вообще наиболее авторитетным по внешнеполитическим вопросам журналистом. После расстрела Тухачевского и других Пертинакс писал в журнале, — кстати, совсем не правом по направлению — «Новая Европа»: вспомним, что в России слабые государственные власти чаще всего склонны искать германской защиты. В числе исторических примеров Пертинаксу наверно вспомнилось при этом, как царь Николай в июле 1905 года подписал договор об оборонительном союзе с Германией. Ссылка на исторический опыт была в данном случае только формой постановки вопроса, корень которого заключается, по мнению Пертинакса, в том, что сталинский режим вероятно «не был бы в состоянии пережить войну». Опасность, значит, состоит в том, что Сов. Союз, вынужденный любой ценой избегать войны, постарается купить у Германии мир. Пертинакс делает при этом интересное признание, что французские генералы и министры, которые в 1933-34 г. г. считали необходимым сближение с Советской Россией, гораздо меньше думали о прямой военной помощи со стороны России, чем о том, чтобы лишить воинствующую Германию огромного резервуара сырья и продовольствия. Из других статей Пертинакса видно, что он особенно опасной считает тепе-

стьянский труд, и они изменят облик советского села.

Так врожденное крестьянское недоверие ко всему, что идет из города, сменяется у значительной части сельской молодежи оптимистической верой в будущее. Происходит сближение — на основе общности интересов — городской и крестьянской молодежи.

В 1934 г. «генеральная линия» вступила в новую фазу. Центр тяжести переносится со строительства заводов на их освоение. Завезено достаточное количество нужных машин. Сокращен экспорт. Больше товаров оседает в стране. В расчете на то, что новая техника будет освоена такими же темпами, какими она создавалась, власть настроилась оптимистически и обаявила веселую и зажиточную жизнь.

Открылись новые «вольные» магазины, очень немногочисленные, с ассортиментом товаров, забытых в эпоху распределителей. Цены высокие, мало кому доступны, но, все же, воспринимались эти товары населением, как первые ласточки грядущего изобилия.

Жили еще бедно, всего была нехватка, но «Гастрономы» и универмаги вселяли уверенность: нынче — мало и дорого, завтра — больше и дешевле, а там, глядишь, и много, и дешево. Всем хватит. Сверху эти настроения всячески подогревались: уверяли, что лишениям наступил конец.

Но действительность, как известно, скоро вносит в эти радужные планы свои поправки. Новая техника не дает тех результатов, которых от нее ожидали. Производительность труда на советских заводах значительно ниже, чем на европейских и американских.

Да, промышленность богато оснащена всеми современными машинами. Добыча угля, производство стали и чугуна резко увеличились. Но на предприятиях

того же типа Европы и Америки технического персонала неизмеримо меньше, производственный эффект отдельного агрегата — выше, себестоимость — ниже. Сказалось отсутствие технической традиции (о чем, между прочим, наш журнал предупреждал еще в 1931-32 г. г.).

Поставлена была новая ударная задача: выжать из техники, «по крайней мере», столько, сколько выжимают из нее в капиталистических странах. Тут на сцену появляется Стаханов. Запроектированные нормы «перекрываются» им в несколько раз. За Стахановым — Дюкалов, Кривонос, Бусыгин, Дуся и Маруся Виноградовы. Стахановец — ведущая фигура, герой нового времени, — совершенно заслонил ударника, героя строительного периода. Они различны. В чем же их различие?

Чтобы стать ударником, надо было только перевыполнить норму на 20-25%. Напряжением мускульной силы и добросовестным отношением к работе ударник этого достигал. На стройках и заводах ударнику приходилось иметь дело с машинами, механизм которых он «постигал» быстро. За интенсивный труд он получал некоторые «добавочные блага». Лишние 200-300 граммов хлеба, мяса, рыбы. По ударной карточке мог сходить вне очереди в кино или в баню. К праздникам его премировали: брюками, башмаками, пальто. Иногда — путевкой на курорт и в дом отдыха. Стахановцем не всякий мог стать. Чтобы в короткий срок овладеть новой сложной машиной, для этого нужна была не только смекалка, а врожденный талант. Движение ударников приняло широкие размеры в сравнительно короткий срок. Стахановцы — немногочисленны. Но почет им другой и награда другая. Стахановцу строят

решную польскую политику, которая, стараясь организовать «кордон» против Сов. Союза (с участием Румынии), толкает этим Сов. Союз на сближение с Германией.

Существует мнение и даже убеждение, что Сов. Союз руководствуется в настоящее время в своей внешней политике так называемой «теорией громоводов». По этому представлению, испанская политика Сов. Союза имеет целью обострение между Германией и Францией, чтобы отвести таким образом опасность удара от России. Равным образом, Сов. Союз заинтересован, по этой теории, в том, чтобы Япония возможно сильнее увязла в своей китайской операции, ослабив таким образом угрозу, висющую над границей России на Дальнем Востоке. Нельзя отрицать, что в пользу этой теории можно привести много данных, но доказать ее правильность нельзя. Ясно, однако, что такого рода теории, поскольку они начинают играть роль в серьезных политических настроениях, только способствуют усилению тревоги и недоверия к Сов. Союзу. «Московский сфинкс» возродился и, как тяжелый кошмар, давит именно на те страны Европы, которые стремятся к прочному сотрудничеству с Сов. Россией для защиты против гитлеровской Германии.

Но можно ли допустить возможность параллельного изменения германской политики в сторону сближения с Сов. Россией? В одном отношении очень серьезное изменение уже произошло: та гитлеровская концепция, которую можно было считать классической и по которой Россия представлялась основным врагом, уже не определяет германской политики. Следуя этой концепции, Гитлер мечтал о союзе с Англией и, в частности, был противником борьбы за колонии, против которой он высказывался, уже будучи главой государства. С прошлого года Германия не перестает требо-

вать колоний, не боясь раздражить этим Англию. Образуя вместе с Италией «ось Берлин — Рим», Германия сознательно перешла в политическое наступление против Англии. В особенности по военной германской литературе можно проследить, как Германия постепенно определяла свою ориентацию в пользу Италии, что объективно обозначало: против Англии.

Но верховным принципом германской политики является стремление избежать борьбы на два фронта, оказавшейся во время Великой войны губительной для Германии. Поворачивать острие своей политики против Англии (и Франции) Германия может, или считая Россию совершенно бессильной, или считая возможным с Россией договориться и обеспечить по меньшей мере ее нейтралитет. По поводу конфликтов на Дальнем Востоке одна немецкая газета писала, что Англия мешает возврату России к «нормальным условиям» (!), так как вернувшаяся к своим историческим традициям Россия вернулась бы к активной политике на азиатском континенте вне Дальнего Востока (значит, в Персии, Афганистане и т. д.) и к панславистской мечте о Византии. Нелепое повторение сказки о «коварном Альбионе»? Но повторяющая эту сказку, выходящая в Эссене «Национальная Газета» является органом Гитлера и «второго лица» в германском государстве, того самого Гитлера, который играл наиболее активную роль в установлении «оси Берлин — Рим».

Гитлер принял с особой дружественностью в своей летней резиденции нового советского посла Юренева. Возможно, что он хотел этим только выразить свое удовольствие по поводу того, что Москва наконец-то послала своим послом в Берлин «арийца», отправив «неарийца» Сурица в Париж. Но высказанное Гитлером желание «нормальных отношений» с Сов. Россией во

дом, у него мягкая мебель, патефон, а не барак, общежитие или нетопленная квартира, в которой жил ударник. Крупные денежные премии. Он становится частым посетителем Гастронома и универмагов.

Но товары «Гастронома» и универмагов не только стахановцев прельщают. Вкус к ним приобретает и советско-партийная бюрократия. За долгие годы «великого поста», за суматошную, полную тревог жизнь пятилеток ей хочется получить сейчас, сегодня вознаграждение. Появляется любовь к уюту, к мирной и сытой жизни. Начинается эра банкетов, балов, вечеров, с тостами в честь вождей, всесоюзных, областных, городских и районного масштаба.

Как же к этому относится молодежь? Если бы она в 1933 г. стала подводить итоги своей работы и жизни за период генеральной линии, то она могла бы отметить, как выросло ее значение в государстве. Около трети работающих в крупной промышленности — это молодежь в возрасте от 18 до 23 лет. Комбайно- и тракторный парк, достигший почти 500.000 в 34 г., в значительной мере обслуживается ею. В вузах и техникумах получает образование свыше полумиллиона молодежи. Ее представители имеются в советском и партийном аппарате. Но она же не могла не отметить, что на базе новой техники вырос тонкий, незначительный слой «устроившихся», засевших в этом аппарате, который, опираясь на знатных людей, стахановцев, шахтеров, кузнецов и ткачей «первого ранга» — мечтает закрепить свое положение в государстве.

Молодежь не могла не видеть контраста между образом жизни неожиданно образовавшегося «высшего слоя» советского общества и основной массы населения. Скромное, полубедное существование широких

слоев трудящихся и «зажиточная жизнь» устроившихся. Об этом ли мечталось? К этому ли стремилась молодежь в начале пятилеток, отдавая строительству свои силы?

Подобно тому поколению молодежи, которое вернулось с фронтов гражданской войны в Россию изповсюду, с мгновенно возникшей новой буржуазией, с устроившимися хозяйственниками и красными директорами, — и поколение генеральной линии видит в «освоительном» ее периоде начало социального неравенства. И это поколение также задается вопросом: за что боролись? Не вся молодежь на этот вопрос дает и тот же ответ. Многим дела нет до того, что мечты пока не сбылись. Это те, кто не устроился, но не теряет надежду устроиться, приобщиться к слою «знатных». Другие, те, кто живет еще старым, кто не может и не хочет так устраиваться, сознают, конечно, что не за этот социализм они боролись. Впервые оппозиционные настроения проникают в толщу «молодежи пятилеток». И эти настроения тем и опасны для власти, что справедливое возмущение против неравенства, против устроившейся бюрократии находит отклик в трудящейся массе города и деревни. (И не здесь ли таится одна из причин расправы с бюрократией всех масштабов?)

Так вот, период освоения, напоминающий вновь созданными общественными отношениями времена Нэп'а, обнаруживает в едином до сих пор втором поколении раскол. Чувство острой обиды и неудовлетворенности овладевает какой-то частью молодежи. Оппозиционные настроения ее лишены пока действенного характера. Дальше критики и тихого возмущения дело не идет. И эта часть молодежи еще не враждебно относится к

всяком случае подчеркнуло для германского народа разграничение между политикой по отношению к советскому государству и борьбой против коммунизма. Если это не ново, то именно потому, что означает возвращение к формуле 1933-34 г. г., т. е. периода до заключения франко-советского договора и последовавшего за ним обострения отношений между Германией и Сов. Союзом. Этому эпизоду, как и большинству других, нельзя придавать окончательного значения. Сфинкс еще не выдал своей тайны. Но тайна существует, и уже в самом ее существовании заключается глубокая историческая трагедия.

Корни этой трагедии, как мы видели, находятся во внутреннем развитии Сов. Союза. Трудно было бы найти лучший урок для тех, кто считал, что можно ограничить свой интерес к Сов. России ее международным значением, оставляя в стороне, как «дела семейные», то, что происходит внутри самой страны. Пусть урок этот не пройдет даром и пусть прежде всего международный пролетариат поймет, в какой мере все будущее и в первую очередь самая острая задача наших дней: сохранение мира, зависят от внутреннего развития Сов. Союза.

И. ГРЕКОВ.

Заметки

ТАК КТО ЖЕ БЫЛ ПРАВ?

В 1917 году, особенно после июльской попытки большевистского восстания, вся буржуазная и даже значительная часть демократической печати травилась большевиков, как немецких агентов и шпионов.

режиму, она только охвачена сомнением. Для диктатуры же и сомнение становится опасным. Романтический период генеральной линии миновал. Наступили будни. Они, правда, именуются великими. Но «пафос освоения» не идет ни в какое сравнение со строительным пафосом. Героизм масс сменился героизмом одиночек. Завоеывается Северный полюс. Прокладывается воздушный путь в Америку. Под этот «шум пропеллеров» входит в жизнь третье поколение. Это — не только «ровесники Октября», а юноши и девушки, моложе его на 2-3 года. Они лишь недавно поменяли свои школьные свидетельства на трудовые списки и зачетные студенческие книжки. Их творческая биография в самом еще начале. Новое поколение еще ничего своего не создало. Оно полно только замыслов.

Ему кажется, что все ему доступно. Для этого поколения «сталинская конституция» является тем же, чем являлся для старшего поколения 5-летний план.

Новой молодежи в последние годы усиленно и систематически прививали любовь к родине. И, несомненно, патриотические чувства в ней сильны. Полеты Чкалова и Громова вызывают в ней гордость за свою страну и желание так же в чем-нибудь отличиться. Новая конституция, — уверяют большевики, — обеспечивает ей эту возможность. Но не всех же можно посадить на самолеты и не всем дано прокладывать новые воздушные пути. Есть, конечно, и другие возможности проявления личности. Основная задача остается все та же: овладение сложными машинами. Возможно, новое поколение даст своих стахановцев. Они получат ордена, прославятся на всю страну. Но широкие слои молодежи волюются, как рядовые, в многочисленную армию труда.

Нет сомнения, что в ряды неразборчивой по части «морали» ленинской партии затесалось в это время не мало темных личностей и что в кассу ее разными путями текли деньги и из весьма мутных источников. Это не помешало нам, социалдемократам, со всею решительностью выступить против попыток объявить целое пролетарское течение делом рук вражеской контр-разведки, а вождей его — купленными агентами германского империализма. Это не помешало нам обрушиться в печати со всею резкостью, как на злостных клеветников, на таких экс-большевиков, как Алексинский, вдохновлявших эту кампанию и поставлявших для нее «материалы», и помешать кое-каким министрам Временного Правительства инсценировать соответствующий «процесс».

Мы никогда не сомневались в том, что были «сто-процентно» правы — не только политически, но и юридически. Ибо одно дело «примазывание» темных личностей к движению, и совсем другое — превращение самого движения и его вождей в шпионскую агентуру.

Но вот, прошло два десятка лет, и оказывается, что мы ошибались. Оказывается, что и впрямь чуть не все поголовно вожди тогдашнего большевистского движения — «немецкие агенты». Ленин своевременно умер, и неизвестно, какая судьба постигла бы его, доживи он до сталинского «завершения социалистического строительства» и сталинской конституции. Но «немецкими агентами и шпионами» оказались, — чтобы назвать лишь самые громкие имена, — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Томский, Бухарин, Рыков, Радек, Пятаков, Сокольников, Муралов, Мрачковский, Смирнов, Ягода и столь многие и многие другие, — вся «головка» большевистского движения и большевистской революции, не говоря уже о длинной веренице прославленных «героев гражданской войны». Не изболочен-

Новому поколению предстоят тяжелые испытания. Встретившись лицом к лицу с действительностью, оно скоро убедится, как мало она похожа на праздничные слова конституции. Разочарования неизбежны. На мучительный вопрос: как жить? — многие, вероятно, ответят уходом в личную жизнь.

Сейчас решаются судьбы русской революции. Останется ли молодежь безучастной к ней и к своей собственной судьбе? Будет ли она молчаливо взирать на происходящие политические перемены? Выше мы видели, как каждое из молодых поколений советского общества выдвигало слои активных людей. Пусть не этим слоям молодежи до сих пор принадлежало решающее слово в борьбе тенденций, принимавшей на разных этапах революции более или менее острые формы. Два фактора в современной советской действительности заставляют думать, что теперь роль этой активной молодежи будет иной. Первый — это колоссально возросший удельный вес молодежи в государстве. Второй — необычайно острый кризис, поразивший сейчас диктатуру. Учитывая это свое значение в государстве, активные слои всех трех поколений советского общества попытаются, несомненно, повлиять на результаты кризиса.

В предстоящей борьбе (на выборах в советы, в повседневной жизни на фабриках и заводах, в колхозах) должно сказаться участие этих слоев молодежи. Чем сильнее будет сознание опасности контр-революционного исхода революции, тем активнее будет действовать эта молодежь, защищая интересы трудящихся масс и этим самым увеличивая шансы демократического завершения русской революции.

ным остался, кажется, один Сталин, но и то кое-какие противники его в большевистской среде уже недвусмысленно намекают, что и сам он — лишь «творит волю пославшей его» иностранной контр-разведки.

И ведь не то, чтобы старая гвардия большевизма лишь теперь, на склоне лет, впала в грех предательства и шпионства. Нет, Сталинская печать неуклонно поясняет, что все эти вожди большевизма были «заклятыми врагами народа» и продажными слугами капитализма и империализма с молодых ногтей!

Так как же, товарищ Сталин? Кто был прав в 1917 году: мы-ли, социалдемократы, или те, которые утверждали, что весь большевизм был ввезен в русскую революцию в «пломбированном вагоне» и что вся большевистская революция делалась германским генеральным штабом и на немецкие деньги?

УСЛУЖЛИВЫЙ... МЕДВЕДЬ.

Изобличая «засоренность» украинского радиовещания «врагами народа», «Правда» (22 июля) не принимает со стороны ЦК КП(б)У никаких отговорок насчет проникновения «случайных людей» и «враждебного элемента» в государственный и партийный аппарат Украинской Республики: «Кто виноват в этом, как не ЦК КП(б)У и обкомы, которые посылали такие «кадры» в радиокомитеты, — на этот важнейший участок политической работы? И ну громить «полное забвение политической ответственности, которую несут партийные комитеты», обязанные «давать людям с а н ы х п р о в е р е н н ы х и б е з у с л о в н о п р е д а н н ы х д е л у к о м м у н и з м а (жирный шрифт «Правды»)!

Услужливый передовик «Правды» забыл, что у читателя может возникнуть каверзный вопрос: а кто виноват в посылке «кадров» на такие, не менее важные, чем радио, «участки политической работы», как Совнарком СССР, ГПУ, командование армией, хозяйственный и транспортный аппарат, Коминтерн, Центральный Комитет и секретариаты большевистской партии и т. п.? Кто был обязан давать на эти «участки» людей «самых проверенных и безусловно преданных делу коммунизма»? И, если «кадры» эти оказались чуть ли не сплошь вредительскими и шпионскими, то кто повинен в «полном забвении политической ответственности», кого с бесконечно большим правом, чем несчастный ЦК КП(б)У, обкомы и парткомы, можно изобличать в «идиотской болезни беспечности»?

А впрочем, всем ведь известно, что сталинский ЦК и сам Сталин тут не при чем. Попробуй-ка кто усумниться в этом! Ведь вот, некий советский пиита, Лебе-

дев-Кумач («Пр.», 17 июля) уже пояснил, что Сталин всего лишь — «советский простой человек»...

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ.

В первом ряду крамолосокрушительной сталинской рати появился новый, вчера еще даже Советской Энциклопедии неведомый герой: новый Нарком Внутренних Дел и Генеральный Майор Государственной Безопасности, Николай Иванович Ежов, грудь которого украсил орден Ленина.

Девяти месяцев — ровно столько, сколько нужно для созревания человеческого зародыша, — оказалось достаточно, чтобы новый герой успел не только родиться, но и обнаружить «величайшую революционную бдительность и железную волю, острый большевистский глаз и организаторский талант, недюжинный ум и тончайшее пролетарское чутье», «очистить прекрасную нашу землю от шпионских, вредительских и диверсантских гнезд», разгромить «троцкистско-бухаринскую шпионско-вредительскую агентуру», превратить «нашу разведку» в «плоть от плоти и кость от кости всего народа» и мобилизовать на бескорыстную помощь ей «миллионы глаз, миллионы ушей, миллионы рук трудящихся». «Неусыпный страж революции, обнаженный меч рабочего класса», — вот чем стал «НКВД, возглавляемый тов. Ежовым». Мировой фашизм посрамлен, «троцкистско-бухаринская нечисть» забилась в щели, трудящиеся всего Советского Союза «приветствуют т. Ежова», рабочие ликуют, колхозники в восторге, Красная Армия кричит «ура», музыка играет, штандарт скачет, поэты спешно переделывают старые вирши под новое имя, и сам Михаил Иванович Калинин дает лобзание... верного и стойкого друга новорожденному герою.

И угораздило же «Правду» (18 июля) испортить свою душу и сердце возвышающую передовицу о новом герое напоминанием о герое старом! Ведь тоже был, и не девять месяцев, а куда больше девяти лет, и стражем, и мечем; тоже имел и бдительность, и волю, и глаз, и талант, и ум, и чутье; тоже сокрушал крамолу, как Георгий Победоносец змия; и тоже украшал свою грудь всеми советскими орденами; — и что же? Оказался, некстати напоминает «Правда», — «подлый предатель и враг социализма Ягода»...

А Сталин-то его награждал! А Калинин-то его целовал! А поэты-то и передвоики «Правды» пели ему гимны! А «трудящиеся»-то его «обожали»!

Легко, видно родиться сталинскому герою. Но еще легче быть превращенным в «бешеную собаку». Хорошо начал «товарищ Ежов». Чем-то кончит?

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Революция и культура

С 4-го по 17 июля в Валенсии, потом в Мадриде, снова в Валенсии и, наконец, в Париже, происходил 2-ой Международный конгресс писателей для защиты культуры.

По своему составу с'езд этот был менее численен, чем 1-ый, состоявшийся в Париже летом 1935 года. Зато у с'езда было одно преимущество: он собрался в самом сердце революционной Испании. Маленькая, бедная, охваченная пламенем гражданской войны страна рабочих и крестьян, вот уже в течение года являет миру пример беззаветного героизма и самоотверженности, которые доходят до самых заброшенных уголков

земли, заражая людей новой верой в творческие силы масс, вселяя уверенность, что только сердце этих народных масс — единственная и подлинная родина лучших чувств человечества.

Они такие разные, эти две революции, потрясшие души людей нашего времени... Когда в дыму догорающих пожаров мировой войны вспыхнула русская революция, всякий, кто заглядывал в страну, остро чувствовал: здесь происходит что-то грандиозное; на огромных пространствах ворочаются какие-то большие глыбы, слепые, сильные и суровые, орущие всякому встречному: прочь с дороги, не мешай! Испан-

ский ландшафт, как лицо бедного труженика, он весь изрыт морщинами гор и трудных дорог, полит потом тяжких усилий. И потому, что беден этот народ, нет у него русских просторов, в которых он мог бы укрыться, его революция вся на виду, вся — публична, словно она происходит при сорванных дверях, и настезь распахнутых окнах... Испанская революция возникла как широкое народное движение против фашистской диктатуры, она развивалась и углублялась как революционная демократия, подвергшаяся нападению со стороны старых господствующих классов. Вот почему, заимствуя многие понятия из русской революции, она в то же время оказывается мало восприимчивой к центральной организационной идее русской революции — к идее партийной «диктатуры пролетариата». И это несмотря на то, что относительно пролетариат в испанской революции играет большую роль, чем в русской. Но его историческая функция в испанской революции иная, чем была в русской: несмотря и даже вопреки его традиционному анархо-синдикалистскому облику, ему на деле выпала роль передового борца за демократию, с победой демократии связывающего осуществление и своих собственных социальных чаяний. Испанская революция не только демократична по своей сути, как всякая народная революция, она демократична и по своей идеологии.

Отсюда ее пафос обороны, «но пассаран», давнишняя и неотъемлемая черта демократической концепции. Ей, этой идее обороны, иногда приносятся в жертву и самые драгоценные свойства революции — стремление к социальному творчеству народных масс. Это приводит к трагическим конфликтам, выражающимся в ожесточенной борьбе внутри революционного лагеря, обескровливающей революцию. Оборона революции в представлении масс неотделима от их социального творчества. То, чем в действительности является борющаяся за свою независимость Испания, лучше всех иллюстрировал французский делегат Андре Мальро. В Монреале, во французской Канаде, он выступил на вечере помощи Испании. Во время собрания происходил сбор пожертвований. И вот кто-то вместо монеты положил на блюдо часы. Мальро захотелось узнать жертвователя. Им оказался пожилой, бедного вида рабочий. Он сказал писателю: «Я мало разбираюсь в политике, но сейчас в Испании я понял одну вещь — там люди бьются за то, чтобы прекратилось презрение к бедным, таким, как я, чтобы им оказано было доверие, и, хотя само по себе это очень просто, в моей жизни это самое главное. Вот отчего я и отдал свои часы, единственное, что имею и чем дорожил».

Достаточно только бегло очертить фон, который дан был самим местом Конгресса, чтобы понять, как плодотворны могли быть его работы. Ведь он тоже происходил при настезь открытых дверей. Съезд приветствовал Негрин и другие члены правительства, делегации с фронта, рабочие, молодежь. Среди писателей присутствовали и такие, которые «отложили перо» и взялись за ружье, как немецкий писатель Людвиг Рейн, Густав Реглер, еще не оправившийся после полученного ранения. На могилу погибшего за Испанию венгерского писателя Лукича писатели возложили венок, вставанием почтили память погибших в боях писателей Альберта Мюллера, Ральфа Фокса. Звуки близкой канонады доносились в зал конгресса, напоминая о словах, которые стали пулями...

И тем не менее — как ни горько это констатировать — 2-ой съезд писателей, объединенных такой, казалось бы, горячей и единодушной симпатией к испанским трудящимся массам, борющимся за свое право на жизнь и творчество, не использовал всех своих воз-

можностей, и едва ли станет новой вехой в истории революционной интеллигенции Запада.

Съезд, как уже было отмечено, был менее многочисленен, чем предыдущий. Меньшее количество участников его только отчасти можно объяснить тем, что некоторые писатели не могли получить виз у своих правительств. Много воды утекло со времени 1-го Парижского конгресса. Много событий в Советском Союзе ударило по голове писателей. Среди отсутствующих писателей такая крупная фигура, как Андрэ Жид.

Как раз незадолго до открытия конгресса Андрэ Жид выпустил свою вторую книгу о Советском Союзе: «Штрихи к моему возвращению из СССР». Эта книга и ее автор стали мишенью для ожесточенных нападок со стороны всех писателей советской делегации и отчасти испанской, возглавленной поэтом Хоזה Бергаминио. Не касаясь книги по существу, не пытаюсь даже вдуматься во взволнованные и острые наблюдения Жиды над советской действительностью, оставляя в стороне в высшей степени знаменательный факт, что при всем критическом отношении к руководителям советской политики Андрэ Жид по-прежнему проникнут глубоким чувством симпатии к трудящимся массам Советского Союза и к тем, кто томится в его тюрьмах и в ссылке и чье безмолвное одобрение дороже Жиду похвал всех «Правд», — Хоже Бергаминио с пафосом истого католика предал Андрэ Жид анафеме: «Пусть глубокое молчание этого зала, пусть глубокое молчание Мадрида дойдет до Андрэ Жиды и будет для него живым укором».

Молчание зала, длившееся очень недолго, ибо советские писатели, привыкшие к шумным кампаниям, молчать не умеют, говорило о чем угодно, только не об осуждении. Это было то самое молчание, которое на секунду воцарилось и на съезде в Париже, когда стало известно, что с трибуны конгресса в защиту жертв советского террора будет сейчас говорить французская социалистка Мадлен Паз. Это была секунда молчания людей, сознающих или смутно чувствующих, что участвуют в неправомерном деле. Тогда в Париже оно уступило место ожесточенной словесной схватке. Сейчас было хуже: не нашлось ни одного писателя, который вслух сказал бы в защиту Андрэ Жиды, на деле выступил бы за право революционного писателя говорить правду о Советском Союзе. Здесь обнаружилась прежняя немочь революционно-настроенной, но бессильной, заблудившейся между двух сосен социализма и фашизма западно-европейской интеллигенции. Прежде чем вернуться к ней, к перспективам ее борьбы против фашизма, надо остановиться на выступлениях советской делегации писателей.

Она представлена была на этот раз беднее, чем в Париже. И в Советском Союзе минувшие годы произвели немалые опустошения в писательской среде. Одни из революционных писателей разжалованы во «врагов народа», как выступавший в Париже Киришон, Афиниогенов, другие — неблагополучны по троцкизму, как поэт Луговской, Пильняк, Катаев, третьи просто неблагополучны, как Пастернак. Вероятно, персональный подбор нынешней делегации доставил немало забот руководящим сферам. Из прежнего состава на съезд попало только трое: вездесущий журналист Кольцов, отяжелевший Эренбург и советский барин Алексей Толстой. (Это не только наше представление о нем, большинство советских карикатуристов его изображают таким в своих «дружеских шаржах»). Среди новых делегатов — гроза литературного руководства, новый «генсек» Союза писателей — Ставский, шумный и

уверенный Вишневский. Из настоящих писателей — Фадеев.

Испанцы отнеслись к советской делегации по-испански: восторженно. Когда делегаты съезда проезжали через деревню по дороге в Мадрид, советских писателей окружили старики, женщины, дети, восхищенно крича им: «Руссо, Руссо», через них передавая свой пламенный привет советским трудящимся массам...

Казалось бы, советской делегации сам бог велел быть «ведущей» на съезде: в сердце революционной Испании советские писатели должны были быть посланцами другой революционной страны. Внешне временами так и казалось. На приветствие Дель-Вайо съезду от имени всех писателей отвечал по-испански Кольцов. На первом же заседании с большой речью о достижениях Советского Союза выступил Толстой. И тем не менее советская делегация в действительности не сыграла той роли, которую она могла бы здесь сыграть. Два обстоятельства повредили ей.

Советские делегации уже много лет кочуют по Европе с одной наигранной темой: вы — старая Европа — гниете, переживаете декаданс, мы — молодая страна революции и социализма — создаем несметные ценности, год от году становимся сильнее. Но эта старая пластинка здесь в Испании, с таким мужеством борющейся за свою свободу, создающей в страшных условиях гражданской войны новые ценности, спасающей памятники культуры своими телами, она была неуместна, эта пластинка, слишком чванлива и спесива. Надо было перестраиваться на-ходу. Это выходило плохо. Эренбург сказал, что задача писателей-антифашистов — создание таких произведений, в которых было бы рассказано «о прекрасной, л а к о м о й жизни, со вкусом которой человек легко идет на смерть». Увы, действительность говорит, что люди со вкусом «лакомой жизни» во рту не охочи умирать... И не с этим вкусом во рту идут на смерть испанские рабочие и крестьяне.

Алексей Толстой попытался взять более верную ноту: «Никогда человечество не променяет свободу раскрепощенного труда на трудовые концлагеря». Но как подпишутся под этим советские писатели, за все годы существования советских трудовых концлагерей не обмолвившихся ни единым словом протеста против них? «Наш герой — тот, для которого лучше смерть, чем покорность» — под этим можно подписаться. Но как подпишутся под этой пышной фразой советские писатели, травящие своих собратьев по перу, как только они обнаружат малейшую строптивость по отношению к властям предержащим? Конечно, на все это можно возразить: обо всем этом в Испании, да и в Европе ничего не знают. Это верно, а все-таки сокрытая правда — она давит на сознание, сокрытая истина, как шило в мешке — возьмет, да и вылезет в каком-нибудь неподходящем месте, обернется неуклюжей фразой, которая вдруг лишит весь ладно скроенный и пышный монолог его внутренней убедительности.

Была, однако, и еще другая причина, по которой советские писатели чувствовали себя не в седле. Они приехали с заданием всемерно разоблачить на съезде «троцкизм», как агентуру фашизма. Не было ни одной речи советского писателя без этого пассажа. «Троцкизм должен быть беспощадно растоптан во всем мире. При участии широких масс народа троцкизм должен быть обнаружен и вырван с корнем, как у нас в СССР», говорил Толстой. Троцкий «презирал народы России, потому что от них пахло овчиной и черным хлебом»,

— распался граф свое воображение, некстати вспомнив, может быть, свои собственные чувства к русскому революционному народу, когда сквозь фронты гражданской войны пробирались к белым, в то время как Троцкий стоял во главе Красной Армии.

В том же стиле надрывался и новый генсек литературы, Ставский: «Я вспоминаю ночь на 27 января этого года, скорый поезд, идущий с курорта Минеральные Воды в Москву. В этом поезде возвращались, отдохнув и окрепнув на курорте, рабочие, инженеры, агрономы, колхозники. В купе вагонов они принесли свежесть горных вершин, веселье мужества и силы». Произошло крушение. «Крушение было совершено троцкистами, агентами фашизма... На снегу была копоть и кровь. Умирали строители московского метрополитена, стахановцы, лучшие люди страны Советов»...

Веселый малый Вишневский рубанул с плеча: «Солдаты — а здесь их много на конгрессе среди писателей — знают: вошь быют. Мы и бьем». И трудно Вишневскому понять, почему в Европах волнуются, когда в Советском Союзе «быют вошь», сиречь расстреливают бывших руководителей Октябрьской революции. «Нам странно: ведь в Европе иногда от этого хлопочут и шумят. А у нас не меняется ни на йоту ритм жизни, поступь народа, его улыбка». Ой-ли, Вишневский? Неужто не меняется улыбка? А что-же означают передачи по радио по всей Украине и Донбассу в день приговора над Каменевым и Зиновьевым и в день расстрела Пятакова нелегального траурного марша? Не значит ли это, что не весь трудовой народ улыбается так безмятежно, как Вишневский?

Трудно, конечно, определить, какое впечатление произвели на участников конгресса кровожадные домыслы советских делегатов о «троцкизме». Но есть одно бесспорное свидетельство — р е з о л ю ц и я конгресса. Несмотря на все усердие и заклинания советских писателей, она ни одним словом не касается «троцкизма». Она вся сосредоточена на желании сплотить и укрепить антифашистский революционный фронт. Это значит, что в Европе и в самой Испании о том, что сталинская диктатура называет «троцкизмом», думают иначе, чем велено в Москве. Объективно это означает п о л и т и ч е с к о е п о р а ж е н и е советской делегации писателей на конгрессе. Поражению этому можно только порадоваться, ибо включение пункта о кознях «троцкизма» в лучшем случае означало бы огромное ослабление революционно-демократического лагеря и объективно содействовало бы фашизму.

Но если революционно-настроенная интеллигенция Запада и не оказалась настолько слабой, чтобы в этом вопросе пойти на поводу сталинских дирижеров, она, как и тогда в Париже, оказалась неспособной отстоять свои революционно-социалистические позиции. Это следствие того, что она до сих пор не занялась мужественным анализом русской проблемы, до сих пор предпочитает идти в фарватере старых иллюзий, что страна революции и режим диктатуры — одно и то же. Именно эта губительная иллюзия и ослабляет ее собственный пафос борьбы против режима фашистской диктатуры.

Можно лишь пожелать писателям, участвовавшим на конгрессе, чтобы по приезде домой они разобрались в волнующих впечатлениях, которыми так богаты были дни в Испании, чтобы они вдохновились борьбой испанских трудящихся масс на участке их собственной работы. Ибо, только борясь за подлинную свободу мысли, они на деле включаются в борьбу трудящихся за освобождение и социализм.

П. ГАРВИ.

Испанский узел

Больше года прошло с начала гражданской войны в Испании. Будущий историк документально установит прямых и косвенных виновников военного прононциаменто, ввергнувшего Испанию в кровавый водоворот междоусобицы. Но уже сейчас ясно, что генерал Франко, поднявший 17 июня 1936 г. знамя военного бунта, был только орудием в руках социальной, политической и клерикальной реакции. Разочаровавшись после победы «Народного Фронта» на выборах 12 февраля прошлого года в своих планах «легального» удушения испанской республики, реакция все надежды возложила на удачный военный заговор. Не менее достоверно, что интервенция ведущих фашистских стран, Италии и Германии, началась задолго до выступления мятежных генералов, как существенный элемент его подготовки.

Это сочетание тайного военного заговора с тайной подготовительной интервенцией должно было обеспечить молниеносный успех мятежников. Но заговорщики просчитались. Им удалось, правда, захватить врасплох плохо налаженный, ненадежный по своему составу и слабо руководимый беспомощным левобуржуазным правительством государственный аппарат республики. Но им не удалось, по крайней мере, в политических центрах страны, в Мадриде, в Барселоне, в Бильбао, захватить врасплох рабочие массы.

Революционный инстинкт подсказал рабочим тактику немедленного сопротивления с оружием в руках. Но добывать оружие приходилось в эти решающие часы часто голыми руками. Все преодолел беззаветный героизм трудящихся масс, проявивших в деле отпора фашистским мятежникам подлинно чудесную инициативу, находчивость и способность к революционной импровизации. Первый натиск мятежников был отбит. Республика была спасена.

Но неудачное прононциаменто было все же удачным началом гражданской войны. Мятежникам удалось в первые же дни захватить изрядную часть испанской территории — при помощи собранного в испанском Марокко «кулака» из иностранных легионеров («терсио») и марокканских мавров. В их руках оказался достаточно просторный плацдарм для ведения гражданской войны.

**

Тринадцать месяцев длится уже гражданская война в Испании. Каковы же ее военные итоги и перспективы?

Надо признать, что за истекшее время армия Франко сумела расширить свой плацдарм, — едва ли не большая часть испанской территории перешла под господство мятежников. Сан-Себастьян, Малага, Бильбао, Толедо и ряд городов меньшего значения захвачены ими после кровопролитных боев. Но решающая победа теперь дальше от мятежников, чем в первое время гражданской войны. Тогда на их стороне был бесспорный военно-технический перевес. Чудом были не военные успехи Франко, чудом было успешное сопротивление, оказанное ему рабоче-крестьянской «гверильей».

Мадрид был спасен в июле 1936 г. стихийным отпором рабочих, окруживших мятежные воинские части, запершиеся в казарме Монтанья. Мадрид вторично был спасен в ноябре того же года «интернациональной бригадой» из антифашистских волонтеров и советским

оружием, доставленным на кораблях в испанские порты. Но в третий раз, при наступлении на гвадалахарском фронте регулярных итальянских частей, — Мадрид был спасен испанской Народной Армией, созданной под огнем неприятеля.

Интервенция Германии и Италии радикально изменила всю обстановку гражданской войны в Испании. Борьба с мятежными генералами стала войной за свободу и независимость. Испанская междоусобица автоматически превратилась в прелюдию европейской, а может быть, и мировой войны. Но и для гражданской войны в Испании, как таковой, интервенция означала новый поворотный момент, принудительно навязывая республиканской Испании форсированную перестройку Народной Армии на началах единого командования и полной ликвидации партизанщины, а также соответствующую перестройку тыла на началах административной и хозяйственной централизации в целях регулярного снабжения армии всем необходимым.

Политика невмешательства, фактически превратившаяся в безвольное попустительство итало-германской интервенции, обеспечила одностороннее снабжение Франко мощной авиацией и артиллерией, военно-техническими кадрами и регулярными частями всех родов оружия. Продолжение такой односторонней политики «невмешательства» может создать на фронте Франко такой военно-технический перевес, при котором никакая одержимость идеей свободы и независимости, никакой героизм солдат Народной Армии, никакое трудовое напряжение рабочих оборонной промышленности не смогут уже помешать победе мятежников.

Но столь же несомненно, что в настоящий момент возросшая мощь полумиллионной Народной Армии, обученной, дисциплинированной и подчиненной единому командованию, парализует пока все попытки Франко, действуя по внутренним операционным линиям, нанести решительный удар в решающем пункте фронта. В создавшихся условиях развязка гражданской войны в Испании будет predetermined в первую очередь соотношением сил вне Испании.

**

Это не значит, конечно, что внутриполитические факторы не имеют значения при взвешивании шансов на победу республиканской Испании. Гражданская война только последний этап в развитии испанской революции, начавшейся «бескровным» свержением монархии в апреле 1931 г. Развитие классовых и национальных противоречий в рамках по началу всенародной революции привело в 1933 году к победе социальной и политической реакции. Героическое восстание горняков в Астурии осенью 1934 г. помешало клерикал-фашизму и плутократии открыто посягнуть на демократическую конституцию. По примеру Гитлера, Хил Роблес и Хуан Марч собирались задушить республику легальным путем избирательной победы в обстановке террора и коррупции. Образование Народного Фронта в час смертельной опасности для республики перечеркнуло планы контр-революции. Победа партий Народного Фронта, выставивших на выборах 12 февраля 1936 г. общие списки, вновь развязала парализованные было силы революции.

К сожалению, партии Народного Фронта, в частности, социалисты, руководимые Кабаллеро, не сразу сделали все необходимые выводы из своей победы. Левобуржуазные правительства не импонировали ни народным массам, ни реакции, вступившей на путь военного заговора. Возможно, что при наличии силь-

ного правительства «Народного Фронта» генеральская верхушка армии не решилась бы выступить или была бы приведена к покорности вскоре же после выступления.

Коалиционное правительство Кабаллеро, первое правительство войны с участием социалистов и коммунистов, было шире круга партий, объединившихся в Народном Фронте. Оно включало в свой состав, сначала косвенно, а потом и прямо, представителей анархо-синдикалистской Национальной Конфедерации Труда. Это обстоятельство имело огромное значение как в виду остроты каталонской национальной проблемы, так и в виду преобладающего влияния анархосиндикалистов в рабочем движении высоко-промышленной Каталонии. Эволюция, проделанная испанскими анархистами за последнее время, сделала возможным их сотрудничество с партиями Народного Фронта не только в чисто военной сфере, но и на арене государственной и хозяйственной.

Но сложный, трудный и неровный процесс перехода анархистов на позиции государственности явно не поспевал за властными требованиями военного времени. Поворот анархо-синдикалистов к политике и государственности — с оговоркой: на время войны — к тому же не ослабил их отталкивания от диктатуры и партийного верховенства. К этому присоединились и глубокие тактические разногласия анархистов с коммунистами и социалистами по вопросу о форсировании социальной революции. Конфликт назревал, угрожая единству антифашистского фронта.

Коммунисты едва ли не форсировали этот конфликт, нашедший свое выражение в майской вспышке братоубийственной борьбы в Каталонии и в последовавшей за подавлением этой вспышки смене правительства Кабаллеро правительством Негрина. В сущности, это была победа коммунистов, эксплуатирующих в свою пользу военную помощь СССР, но затуманивающих из тактических соображений свою заглавную роль в политическом руководстве Народным Фронтом.

Опираясь на повелительные требования военной обстановки, коммунисты сделали глашатаями и проводниками крайней централизации военного и государственного аппарата. Но плохо прикрытые притязания коммунистов на политическое руководство заставляют предполагать, что необходимая централизация военного и государственного аппарата используется ими для подготовки условий, обеспечивающих, в случае победы над Франко, их политическую гегемонию и даже партийную диктатуру по московскому образцу. Именно это обстоятельство, в связи с перенесением на испанскую почву сталинских методов расправы с инакомыслящими, особенно с «троцкистами» из ПОУМ'а и анархистами, питает настороженность и недоверие в рядах социалистических и анархо-синдикалистских рабочих и отравляет политическую атмосферу в республиканской Испании.

Новое правительство, формально являющееся правительством Народного Фронта, станет на деле антифашистским народным правительством, лишь решившись исправить порок своего происхождения, т. е. расширив свою базу включением в свой состав представителей анархо-синдикалистской Национальной Конфедерации Труда. Совершившееся совсем недавно сближение между последней и Всеобщим Рабочим Союзом, объединяющим социалистические профсоюзы, создает почву для такого расширения базы правительства.

Правительство Негрина подготовит политические условия победы лишь в меру того, как сумеет при осуществлении необходимой в условиях войны централизации сохранить основы подлинно де-

мократического режима, не поддаваясь соблазну установления потребного единства действий методами террора и идейного «поравнения». Но политика правительства определяется политикой составляющих его партий. На социалистическую партию, игравшую столь крупную, порой решающую роль в подготовке и на различных этапах испанской революции, ложится огромная ответственность за дальнейшее политическое развитие республики в направлении подлинной демократии.

За истекшие 13 месяцев изменилось не только политическое, но и социальное лицо республиканской Испании. Бегство помещиков и крупных капиталистов автоматически привело, в условиях стихийного разлива революционных настроений, к переходу земли в руки крестьянских организаций или отдельных групп мелких арендаторов, исполщиков и батраков, а фабрик и заводов — в руки рабочих синдикатов.

Анархо-синдикалисты, естественно, отстаивали различные формы «рабочего контроля» и «автономной» социализации, относясь крайне подозрительно и резко отрицательно к национализации, пропагандируемой коммунистами в интересах организации хозяйственного тыла, но отвечающей в то же время их концепции тоталитарного государства на основе хозяйственного этатизма.

«Непредрешенчество» по отношению к социально-экономическому строю на другой день после победы над Франко кажется анархистам и троцкистам прямой изменой социальной революции. Но оно вытекает не только из общей социально-экономической отсталости Испании, но и из разнородного в социальном отношении состава антифашистского Народного Фронта, а также из международной обстановки. Простой реставрации прежних капиталистических форм едва ли можно ожидать. Но только будущее покажет, что в новой экономике республиканской Испании преходящего от «военного коммунизма» и что способно будет удержаться в повоенную эпоху, легши в основу «регулируемого» планового хозяйства переходного типа. Для судеб испанской революции и испанской демократии решающее значение будет иметь в первую очередь радикальное разрешение аграрного вопроса не только в интересах крестьянства, но и в приемлемых для него формах землевладения, землепользования и хозяйствования.

Но все это — «музыка будущего», поскольку речь идет о дележке шкуры еще не убитого медведя. Разумеется, политическая обстановка, социальные реформы и хозяйственная перестройка уже сейчас являются крупными факторами борьбы и победы. Но центр тяжести лежит в организации военной победы, которая зависит сейчас больше от внешне-политических, чем от внутренних факторов. Без поддержки интервентов авантюра Франко давно была бы ликвидирована.

Политика невмешательства в форме блокады Испании, возведенная в самом начале гражданской войны Францией и Англией, сама по себе являлась нарушением принципов международного права, ибо лишала законное правительство испанской республики, только что освященное всенародным голосованием на конституционной основе, законного права приобретать за границей оружие для борьбы с мятежниками. Но все же она могла бы сыграть положительную роль в деле предотвращения опасности европейской войны, если бы она применялась добросовестно и последовательно в семи государствами. На деле политика невмешательства, благодаря главным образом колебаниям консервативного правительства Англии, превра-

тила в ширму, за которой «реалисты» фашистских держав неуклонно проводили политику военной интервенции в пользу Франко, вернее, в свою собственную пользу. Ибо те же «реалисты» весьма ловко использовали созданную ими фикцию «идеологической войны» против большевизма, чтобы попытаться радикально изменить положение в Средиземном море и закрепиться на Пиренейском полуострове для «контроля» над морскими сообщениями Англии и Франции и для создания плацдарма на юге на случай войны против Франции.

Теперь, после года дипломатической работы на холодном ходу, ультиматумов и уступок, планов и контрпланов, вопросников без ответа и демонстративных уходов с последующим возвращением в лондонский комитет, даже слепым стало ясно, что политика невмешательства в ее прежнем виде потерпела полный крах. Новейший английский «план» является едва ли не последней судорожной попыткой «спасти» политику невмешательства. Этот план, при всей своей половинчатости, имеет одно достоинство: он связывает вопрос о признании за обоими участниками гражданской войны ограниченных прав воюющей стороны с отзыванием «добровольцев». Но и это достоинство отличается присущей всем английским планам недостаточной определенностью: он не требует полного отзыва «добровольцев», как предварительного условия для признания за Валенсией и Бургосом прав воюющей стороны.

Но основным пороком этого плана является само признание за мятежниками прав воюющей стороны. Президент испанской республики Асанья в своей речи по случаю годовщины гражданской войны протестовал заранее против этой капитуляции перед требованиями Италии и Германии. Представитель Советского Союза в Лондонском Комитете также отказался пойти на эту капитуляцию, за что фашистская пресса поспешила возложить на Советский Союз ответственность за срыв английского плана, принятого с оговорками 15-ью остальными государствами, представленными в Лондонском Комитете. Точно после известных заявлений Гитлера о бискайской руде и Муссолини об итальянских волонтерах можно еще сомневаться, а кто падает ответственность за срыв политики невмешательства!

Ф. ДАН.

Марсельский съезд

Состоявшийся 10-13 в Марселе съезд французской социалистической партии был задуман и готовился как первый съезд партии после прихода к власти правительства Народного Фронта, руководимого социалистами; на деле он оказался одновременно и первым съездом после ухода Блюма от власти, после образования нового правительства, которое тоже претендует быть правительством Народного Фронта, но которое возглавляется уже не социалистами, а радикалами, и в котором социалисты играют лишь подчиненную роль.

В прошлом номере «Социалистического Вестника», в статье: «Блюм к власти!» я пытался указать, какая совершенно новая ситуация создается этой переменой партийного возглавления правительства и какие совершенно новые задачи встают в этой связи перед партией. Применительно к этой новой ситуации и этим новым задачам пришлось наспех перестраивать всю подготовку съезда, переделывать заготовленные проекты

Вокруг английского плана ведется крупная дипломатическая игра, ставка в которой — судьба испанской республики. Начинается перегруппировка держав, намечаются новые «оси», идут закулисные торги с переторжками. Едва ли не по тайной «согласованности» и «договоренности» с Италией и Германией Япония именно сейчас устроила очередной разбойничий набег на беззащитный Китай. Во всяком случае, японский нажим на Дальнем Востоке положил конец обозначавшемуся было намерению Англии проявить некоторую твердость в испанском вопросе. Какой ценой будет оплачено подготавливаемое итало-английское сближение? Разделом испанского наследства, как сообщает «Юманинг»? Возрождением пакта четырех, т. е. исключением СССР из концерта великих держав? Взрывом франко-советского пакта? Дальнейшей капитуляцией в вопросе о невмешательстве?

Ближайшее будущее ответит на эти вопросы. Но положение создалось исключительно грозное. Назначенная РСИ и Амстердамским Интернационалом профсоюзов на 31 июля — 6 августа «испанская неделя» пришлось поэтому как нельзя более ко времени. Международный пролетариат с самого начала считал дело испанской революции своим делом, — несмотря на расхождение тактических взглядов по вопросу о политике невмешательства и о совместных действиях социалистов и коммунистов в помощь Испании. Самый ход событий привел к значительному сглаживанию этих разногласий, затруднявших международную кампанию в пользу республиканской Испании.

Испанская неделя прошла под лозунгами, сформулированными обоими Интернационалами в согласии с испанскими рабочими организациями. Лозунги эти следующие: 1) применение пакта Лиги Наций к разрешению испанского конфликта; 2) восстановление полной свободы торговли для законного правительства Испании и 3) неограниченная обязанность всех рабочих организаций и всех социалистов проявлять солидарность по отношению к республиканской Испании.

Чем больше нерешительность, колебания и прямые промахи демократических правительств в испанском вопросе, тем сильнее должно быть дружное давление на них организованного пролетариата всех стран.

резолуций и т. п. Это придало всей работе съезда до известной степени «импровизаторский» характер, и положение осложнялось еще тем, что состоявшийся за 2½ недели до съезда Партийный Совет, санкционировав вступление социалистов в кабинет Шотана, тем самым в основном уже предрешил «генеральную линию» партийной политики на ближайший период: ведь, само собой понятно, что крутое изменение этой «линии» через какие-нибудь 2-3 недели означало бы такую дезорганизацию партии, которая была бы почти равносильна ее самоубийству. Поэтому можно было с самого начала предвидеть, что съезд не дезавуирует, а утвердит решение Партийного Совета. Так это и случилось: 3484 голосами против 1866 съезд дал свою санкцию пребыванию социалистов в новом правительстве.

Как и на Партийном Совете, часть того левого крыла партии, которое группируется вокруг «Батай Сосиалист» (Брак-Жиромский) и которое по существу отрицательно относится к участию социалистов в прави-

тельстве, возглавляемом радикалами, присоединила в этом случае свои голоса к голосам право-центрального большинства. Но возрастающая тревога, вызываемая в партии этим участием, настойчивым и последовательным защитником которого выступил, как и на Партийном Совете, сам Леон Блюм, очень отчетливо сказались в том, что если на Совете Блюму удалось сплотить вокруг своей позиции 3/4 всех голосов, то на съезде уже лишь менее 2/3 согласились санкционировать шаг, ликвидировать который, как уже сказано, было политически совершенно невыносимо.

Но поэтому действительная острая борьба на съезде велась не столько по вопросу о том, **п о д т в е р д и т ь** — ли решение Партийного Совета об отставке правительства Блюма и вступлении социалистов в кабинет Шотана, и даже не столько о **п р о г р а м м е** действий партии на ближайший период, сколько о том, какова должна быть **т а к т и к а** партии, участвующей в «правительстве Народного Фронта под радикальным руководством», чтобы подготовить — а насчет необходимости такой подготовки весь съезд был единодушен! — возвращение «Блюма к власти».

Если не удалась «амальгама» резолюций Блюма-Фора и Брака-Жиромского, казавшаяся весьма вероятной в начале съезда; если пришлось выделить из резолюций пункт об «одобрении» деятельности правительства Блюма, чтобы получить по этому пункту внушительное и соответствующее действительным чувствам и настроениям партии большинство в 4549 голосов (при 26 против и 828 воздержавшихся «пиверовцах», требовавших, чтобы, одновременно с одобрением, за которое они готовы были голосовать, были указаны и некоторые ошибки в работе правительства); если, после толкования, данного Блюмом вотуму о санкционировании решения Партийного Совета, Брак счел необходимым заявить, что в таком случае он и его единомышленники видят себя вынужденными отказаться от своего первоначального намерения голосовать за такое санкционирование и будут голосовать против (что значительная часть группы «Батай Социалист», как мы видели, и сделала) — то все это именно потому, что на съезде очень резко обозначились и выступили друг против друга три **т а к т и ч е с к и х** тенденции, неразрывно связанные, конечно, не только с различной оценкой внутреннего и международного положения, но и с различным пониманием смысла, возможностей и перспектив самого Народного Фронта, как формы народного движения и орудия борьбы против фашизма.

Если характеризовать эти три тактических тенденции в грубых чертах, то дело представляется так: на **«к р а й н е й л е в о й»** (894 мандата) стоит течение, возглавляемое **М а р с о П и в е р о м и**, по существу, отрицающее Народный Фронт во имя немедленного и непосредственного «революционного действия» с революционно-социалистической программой. Конечно, в принципе и «пиверовцы» стоят за Народный Фронт и за народно-фронтное правительство. Но они хотят такого Народного Фронта, который может и даже должен сформироваться в **и т о г е** своего развития, но который в нынешней, **н а ч а л ь н о й** фазе этого развития по-просту невозможен — как по состоянию сил самого рабочего класса, так и — и это самое главное — по социальной психике и социально-политическим настроениям тех «средних классов» (крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции), в постепенном вовлечении которых в русло **п р о л е т а р с к о й** борьбы за демократию и социализм и заключается основной смысл «народно-фронтной» стратегии социализма. Поэтому, вопреки самым лучшим намерениям «пиверовцев», их тактика на деле не укрепляет и не развивает, а **в з р ы в а е т** Народный

Фронт. Участие радикалов в правительстве Народного Фронта, возглавляемом социалистами, для них, по существу, столь же неприемлемо, как участие социалистов в правительстве Народного Фронта, возглавляемом радикалами. В этом не было бы большой беды, если бы дело шло о разрыве с радикалами лишь в чисто парламентском и правительственном плане. Но в той ситуации крайнего обострения социальных антагонизмов, которую Франция переживает вместе со всем миром, тактика, построенная на таком разрыве, означала бы на деле немедленное разрушение Народного Фронта и отказ от той борьбы между пролетариатом и капиталистической буржуазией, между социализмом и фашизмом за «душу» средних классов, выбитых из традиционной колеи неизлечимым кризисом капитализма, которая является исторической необходимостью для рабочего класса и в которой Народный Фронт является его самым целесообразным и действенным оружием. Нетерпеливо стремясь перескочить через сегодняшний день к завтрашнему, «крайняя левая» разбивает то оружие, без которого пролетариат этого завтрашнего дня никогда не завоеует...

На противоположном фланге съезда стояло его **б о л ь ш и н с т в о** (2946 мандатов), объединившее часть «левого центра» партии (**Б л ю м - Ф о р**) с правым крылом ее. Основной смысл позиции этого большинства заключается в том, что оно считает «правительство Народного Фронта, возглавляемое радикалами», естественным выражением или, если угодно, продолжением и развитием той «паузы», которая, с его точки зрения, представляется совершенно неизбежной по ряду причин внутренне- и внешне-политического характера. Партийное большинство, конечно, хорошо понимает особый, «массовый» характер Народного Фронта и ту неразрывную связь его с массовыми организациями и массовыми движениями, которая принципиально отличает его от традиционных соглашений и коалиций между парламентскими партиями, но оно полагает, что неодолимые обстоятельства требуют на известный период «успокоения» масс, и что в течение этого периода партия лишь в чисто парламентско-конституционных рамках может готовить возвращение «Блюма к власти», а вместе с тем и новое быстрое продвижение Народного Фронта вперед. В упомянутой уже статье предыдущего номера я достаточно подробно говорил о причинах, приведших Народный Фронт и правительство Блюма к такому положению, и об опасностях, возникающих для партии и всего Народного Фронта на этом пути, и могу поэтому не повторять здесь уже сказанного.

Сознанием этих опасностей определялась позиция той части съезда (1545 мандатов), которая осталась **«л е в ы м ц е н т р о м»** партии и группируется вокруг «Батай Социалист» (**Б р а к - Ж и р о м - с к и й**). Эта часть партии решительно отмежевывается от «пиверовцев» в том смысле, что отвергает навязывание Народному Фронту такой социалистической программы и таких революционных методов действия, которые на деле несовместимы с его существованием в нынешней фазе его развития. Но в то же время эта часть партии не видит ничего «нелояльного» по отношению к правительству, в котором социалисты согласились участвовать, в том, чтобы партия сохраняла такую же полную автономию и независимость пропаганды и агитации за свою конечную и ближайшую программу, какою широко пользуются и ее радикальные контр-агенты, и чтобы, памятуя о массовых истоках и массовой основе Народного Фронта, она в непрерывном общении с рабочими, крестьянскими и мелко-буржуазными массами, в непрерывном разъяснении им смысла совершающихся событий, в непрерывной мобилиза-

ции их энергии — не для революционного всплеска, пускательства и не для забастовочной «гимнастики», а для организованного и дисциплинированного проявления своей воли, — искала путей и для действительного осуществления программы Народного Фронта, добровольно принятой всеми его участниками, и для столь же добровольного расширения этой программы в меру исторически возможного и необходимого, и для такого формирования правительства Народного Фронта, которое соответствовало бы действительным настроениям и действительному соотношению социальных сил внутри этого Фронта, т. е. фактически — для возвращения «Блюма к власти».

Во взглядах на необходимое расширение программы Народного Фронта на съезде не было существенных разногласий. Их не было и нет во всяком случае между взглядами, изложенными в резолюции большинства и в резолюции «Батай Социалист». Борьба против привилегий Сената, как орудия «верхних десяти тысяч», и «структурные» реформы, врезающиеся в самую социально-экономическую ткань капитализма, — эти две идеи являются одинаково стержнем политической платформы и Блюма-Фора, и Брака-Жиромского. Действительные разногласия, как я уже отметил, лежат не в программной, а в тактической области. И поэтому, хотя «течения» считали свои силы в голосовании по программным пунктам резолюций, на деле в основе группировки течений, определяющей собою во французской партии, как известно, и численность представительства во всех центральных инстанциях партии, лежат на этот раз чисто тактические расхождения.

Съезд принял тактическую линию, которую защищали Блюм и Поль Фор, — правда, сравнительно незначительным большинством 2946 голосов против 2439 (1545 — Б.-Ж. и 894 — М. П.) при 20 воздержавшихся. И если бы резолюций и благих намерений было достаточно, чтобы приостановить действие тех могучих подпочвенных экономических, социальных и политических факторов, которые нумолимо превращают период Народного Фронта лишь в преддверие решающей схватки между силами неразрывно сплетающихся между собой социализма и демократии, с одной стороны, капитализма и фашизма, с другой, то можно было бы ожидать, что в результате Марсельского съезда политическое положение Франции стабилизируется и, как выражение этой стабилизации, «министерство Народного Фронта под радикальным руководством» упочится.

Но уже неполных трех недель, протекших со времени съезда, оказалось достаточно, чтобы рассеять все иллюзии на этот счет. Конечно, те социальные завоевания рабочего класса, которые составят вечную славу первого правительства Народного Фронта и возглавлявшего его Леона Блюма, и особенно «оплаченный отпуск», значение которого для подъема социального самочувствия миллионов тружеников нельзя достаточно высоко оценить, остаются и, надо думать, останутся в силе. Но именно это повышенное социальное самочувствие должно сделать для рабочего класса переносимым и то возрастающее переложение на его плечи всех тягот и социальной реформы, и усиливающейся дороговизны, и гигантских расходов на вооружение, и то постепенное оттеснение его политических и профессиональных организаций от активного участия в управлении страной, которое является неустранимым и неизбежным спутником перехода руководства Народным Фронтом в радикальные руки. А то глухое брожение и недовольство, которое назревает в рабочем классе, не может не отражаться на образе действий и тех социалистов, которые только что высказались на съезде за самое «лояльное» участие в кабинете Шотана. Сопо-

ставление речи министра внутренних дел, т. Дормуа, настаивавшего на «автономии» партии и на ее праве добиваться расширения программы Народного Фронта в анти-капиталистическом направлении, с произнесенной на следующий же день и всем понятую, как ответ Дормуа, речью главы правительства, жаловавшегося на то, что «партии» мешают успеху его работы, и настаивавшего, что «выше партий» стоит «нация», — это сопоставление показывает, что то внутреннее противоречие, которое, как я имел случай указать, заключается в радикальном возглавлении Народного Фронта, не может не подрывать устойчивости правительства и изнутри, вопреки самым «лояльным» намерениям его социалистических участников. «Переходный» характер нынешней правительственной комбинации становится столь очевидным, что основной темой и печати, и съездов (напр., Республиканско - Социалистического Союза) делается уже сейчас вопрос об ее возможных преемниках и наследниках. Надо ли говорить, что весь буржуазный лагерь имеет при этом в виду ту или иную форму «национальной концентрации» направо? И надо ли говорить, что эта новая комбинация, еще менее жизнеспособная, чем нынешняя, абсолютно неприемлема для социалистов, и что одно появление ее на горизонте неизбежно заставит в се х социалистов, как бы они ни голосовали на съезде, подготавливать ей массовый отпор?

Но, помимо факторов внутренне-политического порядка, подрывающих устойчивость нынешней правительственной комбинации, в том же направлении будут действовать, повидимому, и факторы порядка внешне-политического. Вопросы внешней политики и, особенно, испанской политики правительства Блюма, играли большую роль на съезде. И с полным основанием, ибо, как я уже тоже имел случай говорить, внешняя политика первого правительства Народного Фронта сыграла огромную, быть может, решающую роль и в его внутренней эволюции. Во всяком случае, с внешне-политического фланга была начата та атака буржуазной реакции на кабинет Блюма, которая, в конечном счете, привела к его падению. Леон Блюм с обычным для него мужеством, прямою и талантом защищал свою внешнюю и, в частности, испанскую политику. С полным правом указал он на то, что, каковы бы ни были недостатки этой политики, ей удалось предотвратить всплеску той европейской и мировой войны, от которой мы были, повидимому, на волоске в августе прошлого года. Это — аргумент, несомненно, очень сильный. Но, хотя, конечно, очень трудно сопоставлять результаты политики, которая проводилась, с возможными результатами политики, не проводившейся, можно все же считать по малой мере недоказанным, что последовательная политика коллективной безопасности в рамках Лиги Наций и твердого отпора итало-германскому фашизму, дала бы худшие результаты в смысле сохранения мира и, главное, в смысле предотвращения того чудовищного нарастания военной опасности, которое теперь так очевидно не только на испанском Западе, но и на азиатском Востоке.

Как бы то ни было, в своей единогласно принятой резолюции Марсельский съезд не только решительно порвал с политикой т. н. «невмешательства», но и прямо поручил социалистическим министрам требовать от правительства отказа от признания испанских мятежников воюющей стороной, переноса испанского вопроса в Лигу Наций, сопротивления наложению эмбарго на находящиеся за границей золотые запасы испанского республиканского правительства и т. п. В наличных условиях и проведение этой внешне-полити-

ческой линии вряд ли не явится фактором, расшатывающим устойчивость кабинета Шотана...

**

Наступит ли момент реорганизации нынешнего правительства Народного Фронта в октябре, когда состоятся кантональные выборы и тем самым выяснятся и подлинные настроения трудящихся масс, и перспективы парламентско-конституционной реформы сената, состав которого зависит от исхода этих выборов, или кабинет Шотана должен будет уступить свое место другой комбинации еще раньше, — в связи ли с событиями внутренне-политического характера (среди которых решающую роль может сыграть вопрос об объединении социалистической и коммунистической партий, вступающий ныне в новую фазу, — о чем придется еще поговорить особо), в результате ли внешне-политических осложнений, — во всяком случае временный и даже кратковременный характер «правительства Народного Фронта под радикальным руководством» вряд ли подлежит сомнению.

Но основной вопрос заключается в том, что же придет этому правительству на смену: новые искусственные парламентские комбинации, которые могут лишь разложить Народный Фронт, оттолкнуть от него трудящиеся массы и расчистить дорогу настоящей фашистской реакции, или же новое правительство «Блюма» на возрожденной и укрепленной массовой основе подлинного Народного Фронта? Это — основной вопрос не только для Франции, не только для французского рабочего класса и французского социализма. Это — самый жизненный вопрос для всего мирового рабочего движения. Во французском «эксперименте» Народного Фронта весь международный пролетарско-социалистический мир с полным основанием увидел новую надежду, новый путь к победе над мировым фашизмом. Неудача и поражение Народного Фронта во Франции были бы тяжчайшим ударом по рабочему социализму всех стран. Но зато и его победа — а мы верим в эту конечную победу! — будет победой всего мирового пролетариата, всего международного социализма!

ЗАГРАНИЦЕЙ

ДЕЛЕГАЦИЯ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ В ИСПАНИИ.

По приглашению Объединенного Союза Соц. Мол. Испании, в конце июня в Испанию отправилась делегация С. И. М. Делегация побывала на фронте и в главнейших центрах республиканской Испании и ознакомилась с деятельностью социалистической молодежи. Делегация видела с Дель-Вайо, с секретарем социалистической партии — Ламонедой, с Долорес Ибаррури (Ла Пассионария) и с генералом Миаха. Кроме того, делегация нанесла визит международной бригаде.

В честь делегации испанский союз организовал грандиозный митинг в Мадриде, на котором выступили с речами генеральный секретарь испанского союза — Карильо и секретарь С. И. М. — Олленгауер. С приветственными речами на митинге выступили также Ла Пассионария и секретарь Коммунист. И-ла Мол. — Вольф.

За день до отъезда делегации, в Валенсии под председательством Карильо состоялось информационное совещание представителей С. И. М. и К. И. М. В совещании участвовали председатель и секретарь С. И. М. — Гарсен и Олленгауер, а со стороны К. И. М. — Вольф и Грин. Мы приводим в сокращенном виде выдержки из официального отчета об этом совещании.

Карильо, от имени испанского союза, внес ряд предложений, направленных к усилению и централизации поддержки, оказываемой освободительной борьбе в Испании. Он особенно подчеркнул настоятельное пожелание испанского союза, чтобы помощь Испании исходящая от обоих Интернациона-

лов молодежи, оказывалась ими совместно. Представители С. И. М. и К. И. М. сообщили о своей деятельности в пользу Испании и высказались по вопросам, поставленным на обсуждение Карильо.

Участники совещания были единодушны в своем желании предпринять еще более действенные мероприятия, чем до сих пор, чтобы усилить поддержку испанскому народу и испанской молодежи. Объединенный Союз Соц. Мол. Испании, С. И. М. и К. И. М. надеются, что молодежь всего света поймет значение, которое имеет для дела мира и свободы борьба, ведущаяся в Испании. Испания является центром борьбы за демократию и против фашизма.

Представители С. И. М. и К. И. М. условились усилить свое сотрудничество в Международной Комиссии Пропаганды в пользу Испанской Молодежи и создать в Комиссии центр помощи испанской молодежи. Оба Интернационала рекомендуют молодежи в тех странах, где это представляется возможным, проводить помощь испанской молодежи подобным же образом.

Оба Интернационала с гордостью приветствуют Объединенный Союз Соц. Мол. Испании и убеждены, что объединение испанской молодежи является политической необходимостью и гарантией победы испанского народа.

По возвращении делегация отправила Объединенному Союзу Соц. Мол. Испании телеграмму следующего содержания: «Вернувшись в Париж, делегация С. И. М. благодарит от всего сердца Объединенный Союз Соц. Мол. Испании за незабываемые переживания во время пребывания в Испании. Делегация находится под глубоким впечатлением изумительного боевого духа и несокрушимой воли к победе испанского народа. Народ, умеющий подобным образом бороться за свою свободу, должен победить. Делегация повторяет свой обет приложить все усилия к мобилизации социалистической и прогрессивной молодежи на предмет оказания помощи Испании, ибо ныне более, чем когда бы то ни было, мы убеждены, что ваша борьба является и нашей борьбой».

СЪЕЗД ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦ. ПАРТИИ.

26—28-го июня в Париже состоялся третий заграничный съезд Итальянской Соц. Партии, на котором приняло участие 200 делегатов, представлявших 118 заграничных групп партии. Съезд прошел с большим подъемом, чему немало способствовало присутствие значительной группы итальянских социалистических волонтеров, прибывших с мадридского фронта. От имени Интернационала съезд приветствовал т. Де-Брукер, выразивший гордость международного пролетариата по поводу того, что итальянские социалисты не складывают оружия перед лицом диктатуры Муссолини.

Главной задачей съезда являлось, — как пишет в своей статье один из лидеров партии т. Пьетро Ненни, — подвести итог тому опыту единства действия с коммунистами, который партия проделала за последнее время.

Съезд единогласно признал, что единство действия между социалистами и коммунистами является в некоторых странах, к которым относится и Италия, необходимым оружием в борьбе рабочего класса против фашизма. Съезд признал также необходимым, чтобы «Единый Фронт» между рабочими партиями был расширен в «Народный Фронт» путем включения в него и других элементов, годовых вместе с пролетариатом бороться за завоевание демократии.

Несмотря на большое единодушие, господствовавшее на съезде, прения носили чрезвычайно страстный характер. Ненни объясняет это тем, что необходимо было найти синтез между стремлением усилить антифашистскую активность в стране, что требовало тесного единения с коммунистами, и стремлением в то же время усилить партию, сохранить ее особый характер и оберечь ее идейно-политическую самостоятельность. Вот по поводу различных путей к этому синтезу на съезде и возникли разногласия. Причем на одной стороне оказались Ненни, Таска (Росси). Саргат и др., на другой — правые, руководимые Модильяни.

Наиболее острое практическое разногласие возникло по вопросу о так называемом «Народном движении». Речь идет о том стремлении вовлечь в общее движение и массы, стоящие под влиянием фашизма, которое в свое время было выдвинуто коммунистической партией и которое шло под лозунгом «единения всех итальянцев». Значительное большинство съезда высказалось, — правда, с целым рядом ограничений, — за это движение. Модильяни и его группа остались в меньшинстве.

В ЦК были выбраны Ненни (политический секретарь партии) и руководитель «Нуово Аванти». Руджинети (главный редактор и администратор «Аванти»), Бертолюци, Боски, Саргат и Таска (Росси). Тов. Модильяни переизбран не был. Представителями партии в Исполком были переизбраны Модильяни и Ненни.

«ПРЕКРАСНАЯ АВСТРИЯ».

Пред нами типичный путеводитель, изданный на трех языках (французском, немецком и английском) «Парижским отделением австрийского Бюро путешествий» и предназначенный для бесплатной раздачи на выставке и в туристских агентствах: портативный формат, прекрасная бумага, превосходные фотографии на обложке и в тексте. Истинная находка для туриста, желающего в пять дней осмотреть Вену и ее окрестности и совершить краткую поездку по австрийской провинции!

Но приглянемся поближе и мы увидим, как, сопровождая туриста в его скитаниях по Вене и «прекрасной Австрии», «путеводитель» шаг за шагом рассказывает ему о героической февральской борьбе австрийских рабочих, об их поражении, о повешенных героях австрийского пролетариата, о сотнях и тысячах заключенных в тюрьмах, полицейских казематах и концлагерях, о прелестях того «христианско-фашистского» строя, который Доллфус и его преемники воздвигли на развалинах австрийской демократической республики, и т. д.

Можно поздравить Революционных Социалистов, нелегальную партию австрийских социалдемократов, с блестящей выдумкой, благодаря которой широчайшие круги европейской и американской публики получают возможность познакомиться с действительным состоянием «прекрасной Австрии»!

КОММУНИСТЫ И «ОПИУМ».

«Религия — опиум для народа». Но в «Авангарде» от 31-го июля, органе французской Федерации Коммунистической Молодежи, мы читаем:

«Международный день молодежи для защиты мира, на стадионе Буффало, 15 августа 1937 года... Утро 15 августа (церковный праздник Успения. **Ред.**) будет свободно для всех делегатов; для католической и протестантской молодежи будут устроены богослужения».

Уж не Кашен-ли и Торез будут служить обедню? Или в своей неизреченной «заботе о человеке» великий Сталин командирует самого Ярославского? Пусть прихватит тогда с собою сталинский нерей немножко святых мощей из «музея безбожников».

В ЗАЩИТУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР.

Надо поблагодарить нашего старого и славного французского товарища Луизу Сомонно, которая справедливо полагает, что истинное служение интересам русской революции, русского пролетариата и русского социализма заключается не в том, чтобы замалчивать безобразия и преступления вырождающейся большевистской диктатуры, а, наоборот, в том, чтобы неустанно разоблачать и критиковать пороки этой диктатуры, — разоблачать и критиковать именно с пролетарской и революционно-социалистической точки зрения и во имя жизненных интересов революции и социализма. Т. Сомонно является поэтому чуть ли не единственным публицистом международного социализма, считающим своим священным долгом вести неустанную и систематическую кампанию в защиту социалистических ссыльных и заключенных Советского Союза, единственное «преступление» которых заключается в том, что они хотят думать и действовать так, как думают и действуют все партии Социалистического Интернационала, которым коммунисты предлагают единство действий и даже просто единство.

Один из последних номеров своего журнала «Женщина-Социалистка» («La Femme Socialiste», № 171 от 15 июня 1937 г.) т. Сомонно посвятила целиком этой задаче и, в частности, агитацию за освобождение тов. Евы Бройдо, члена женского международного социалистического комитета.

ПО РОССИИ

Москва. — Я не буду писать вам о новых арестах вельмож первого ранга, называть новые имена. Низвержение больших и малых авторитетов — стало столь обычным, что, если завтра газеты сообщат, что **Молотов** оказался вредителем, или, что **Вышинский** сознался в работе на Гитлера, то мы, советские граждане, поражены не будем.

Не все поверят, но удивляться падению не будет никто. Все под рукою **Сталина** и **Ежова** ходят.

Трудно охарактеризовать ту психику, в которой пребывают сейчас ответственные коммунисты. За последние месяцы над ними пронесся какой-то циклон, они пережили грандиозную катастрофу. Недавно еще каждый сколько-ни-

будь ответственный коммунист считал себя существом высшего порядка, призванным строить новую жизнь, утверждать социализм. Более идейные не проявляли высокомерия, но свое мессианство более или менее отчетливо осознавал каждый коммунист.

«Мы оказались способны подняться выше мелочей сегодняшнего дня, мы строим новую жизнь», — в этом была идеология, внутреннее прибежище коммуниста.

Сейчас эта психика оказалась сломлена. Теперь каждый осознал, что ему уготована или роль пешки в руках Сталина и его клевретов, или судьба **Пятакова**, **Тухачевского** или, в лучшем случае, **Томского-Гамарника**. Одних страшит смерть, опала, но еще страшнее дилемма: работать всю жизнь во имя революции, а быть расстрелянным своими товарищами с клеймом предателя и вредителя.

При этом под риском почти все коммунисты. Не только те, кто сам лично когда-либо погрешил оппозицией, но и те, кто был в сфере влияния того или иного активного цекиста, и даже те, кто из всегдашней лояльности линии ЦК делал свою идеологию, свой принцип. Я боюсь называть имена, чтобы не повредить определенным лицам, но уже находится в опале лица, которых все в партии знают за лояльнейших из лояльных.

Теперь коммунисты попадают в опалу не только за оппозиционное сомнение, но и за молчание, за недостаточный энтузиазм в клеймлении вчерашних своих соратников, товарищей в самые критические моменты своей бывшей революционной деятельности.

А когда коммунист попадает в звенья органов контроля и партийной охраны, нет меры, нет пределов моральных испытаний, которые им приходится вытерпеть. Мы все знаем, как вымогают отречения от мужей, отцов, друзей.

Все делается «во имя революции», «во имя большевизма»!

И скольких большевиков, посевших в революционных боях, уже заставили отречься от своих внутренних убеждений, от своего вчерашнего прошлого, «морально побудили» осквернить заведомо ложными показаниями былых большевистских вождей, людей, которые их учили марксизму и ленинизму, которым они некогда, казалось, искренне поклонялись!!

Вчерашние строители социализма, мессии новой жизни ходят сегодня со сломленным хребтом, с утерей творческой энергии, вкуса к жизни...

Конечно, в коммунистической среде никогда «независимость мысли», «самостоятельность убеждений» особенно высоко не ценились. Но сейчас «преданность партии», «довере к вождю» приняли столь неприкрыто рабскую, унижительную форму, столь явно определяются «приказом Ежова», столь часто требуют отказа от «вечных, простых человеческих чувств», что сколько-нибудь идейным коммунистам из старшего поколения трудно держать высоко свою голову.

Раньше многим из них казалось, что «сталинец» звучало гордой непреклонностью, сейчас — они знают, что «сталинец» на практике означает приспособленчество, не имеющее границ, готовность на любое предательство, на любое лже-свидетельство.

....Я написал выше: «коммунистам из старшего поколения», так как все, о чем я писал, относится почти исключительно к коммунистам, вошедшим в революцию сколько-нибудь зрелыми людьми. Коммунистическая молодежь, люди, воспитавшиеся духовно уже в период революции, стоят вне этих переживаний.

Мне говорил мой старый друг коммунист, что, по его мнению, еще никогда не был так велик разрыв между «отцами и детьми», между двумя поколениями, как сейчас в коммунистических семьях.

«Самое страшное в нашей ежедневной жизни даже не атмосфера лжи и скрывания, даже не вечный страх, а разрыв, который существует между «отцами и детьми» в среде коммунистов». Мы не понимаем друг друга, не понимаем не в области идей, а в области морали, в области внутренней жизни... В дни, когда «Правда» сообщила о предательстве, вредительстве нашего друга Н., а затем о его расстреле, я пережил страшное потрясение, смывшее меня на всю жизнь, а мой сын, молодой комсомолец, ранее преклонявшийся перед заслуженным революционером, другом нашей семьи, стремившийся ему подражать, прошел мимо расстрела и клеветы как-то необычно легко, как-то почти не заметив трагедии».

Дело, конечно, не в том, что новое поколение будто бы безыдейно, что оно охвачено карьеризмом и американизмом. Это неверно — большинство новой молодежи живет интенсивной духовной жизнью, оно часто горит готовностью к самопожертвованию, оно способно на жертвы. Но все это — в иной, чем у старшего поколения, плоскости. Интересно отметить, что социальные вопросы и проблемы волнуют новое поколение значительно меньше, чем их отцов. Большинство молодежи склонно верить, что здесь уже нет про-

блем, что здесь все уже решено, что вся задача лишь в преодолении препятствий технического порядка и в устранении вредительства.

«Социализм уже победил, социалистический строй уже решил все социальные проблемы!» Во всяком случае, молодую мысль, молодую энергию, молодой романтизм в СССР сейчас больше влекут науки, техническое строительство, изобретения, открытия тайны природы, далекие путешествия.

Этим областям большинство молодежи отдает свою страсть, иногда своеобразно сочетая бескорыстную жажду знания с практицизмом участия в советском строительстве. Но вопросами политическими и социальными большинство коммунистической молодежи интересуется умеренно, рассудочно, лишь в меру необходимости.

Проблема внутреннего мира современной молодежи — это громадная, почти не обследованная область. Она таит много загадок, она несет много неожиданного. Быть может, большевики за двадцать лет своего господства действительно создали молодежь с новой, непохожей на нашу психикой, активную, упорную, практичную, но утратившую острую восприимчивость к общественным и моральным вопросам....

Быть может....

Но вероятнее, что большевикам их диктаторскими методами удалось лишь загнать вглубь многие «человеческие явления» современной молодежи, удалось лишь сделать «политическую мимикрию» естественным, органическим свойством, выявляемым без колебания и раздумья, но что великий «социальный инстинкт» и «коллективное сознание» живут неповрежденными в глубинах духовного мира молодого рабочего, молодого служащего, молодого колхозника и изо дня в день, невидимыми путями, они накапливаются, активизируются, и наступит день, когда они превратятся в осознанное, организованное движение за те же великие идеи освобождения трудящихся их же силами, за которые боролись их отцы, но лишь в других формах.

Это вероятнее... Но пока что идейный мир современных коммунистов в СССР — это мир ужаса и лжи у старшего поколения, это — мир ограниченный, неполноценный, завороченный лозунгами и лихорадочным темпом жизни у молодых.

А.

ВОРОШИЛОВ — ТУХАЧЕВСКИЙ — СТАЛИН

* В варшавской «Фольксшпейтунг» — центральном органе польского Бунда — напечатаны (в №№ от 20 июля и 4 августа) чрезвычайно интересные разоблачения немецкого коммуниста Эриха Воленберга, бывшего редактора берлинской «Роте Фане» и майора Красной Армии.*

В виду того, что разоблачения эти дают много неопубликованных дотоле деталей, мы воспроизводим здесь наиболее интересные части.

ВОРОШИЛОВ И ТУХАЧЕВСКИЙ.

* Конфликт между Ворошиловым и Тухачевским восходит, по словам Воленберга, еще к 1918 году. Ворошилов, оборончески настроенный в 1914 году, пошедший на войну добровольцем, заслуживший несколько отличий за храбрость и дослужившийся до унтер-офицера, примкнул после Февральской революции к большевикам и был потом назначен полткомиссаром в Конармию Буденного.

Тухачевский — блестящий царский офицер, многократно бежавший из германского плена, примкнул к Красной Армии летом 1918 г. Как человек чрезвычайно способный, он сразу выдвинулся на видное место и пользовался особым покровительством Троцкого и Ленина. Между Тухачевским, стремившимся создать централизованную армию европейского типа, используя при этом в широкой степени старое кадровое офицерство, и Ворошиловым, который склонялся к армии партизанского типа и враждебно относился к офицерству, сразу же создались обостренные отношения. Ворошилов собрал вокруг себя целую группу революционных унтер-офицеров и организовал так называемый «унтер-офицерский бунт», т. е. оппозицию против Реввоенсовета, Тухачевского и Троцкого. Ворошиловская группа даже постановила бойкотировать и саботировать мероприятия Тухачевского. Лишь подписанием Лениным и Троцким приказа Реввоенсовета Республики, пригрозивший смертной казнью за неповиновение, помешал открытому выражению недовольства со стороны унтер-офицерства. Ворошилов был вынужден подчиниться, но он вскоре нашел союзника, который помог ему взять реванш. То был Сталин, который в то время был назначен организатором тыла Юго-Восточной Армии. Сталин и Ворошилов вдвоем организовали частью тайную, частью явную оппозицию против Реввоенсовета Республики и Троцкого.* Самовольные действия и партизанские приемы Ворошилова (который не стеснялся перехватывать поезда, предназначенные для других армий), неоднократно нарушали

выработанные верховным главнокомандованием планы и временами приводили к поражениям.

Воленберг приписывает влиянию Ворошилова и Сталина и то роковое самовольство Буденного, которое в польско-русской войне привело к поражению Красной Армии и победе Пилсудского. Вопреки прямому приказу и выработанному плану Конармия Буденного повернула от Брод не на север — к линии Люблин-Демблин, а на юг, на Львов. Тем самым она оторвалась от основного массива Красной Армии и дала возможность Пилсудскому одержать легкую победу.

По окончании польско-русской войны Сталин был удален из руководства Кр. Армии, а Ворошилов должен был дать торжественное обещание впредь придерживаться дисциплины и выполнять все приказы верховного командования.

БОРЬБА ЗА НАРКОМВОЕН.

После смерти Ленина, в период господства «тройки» (Сталин, Зиновьев, Каменев), Зиновьев настаивал на полном устранении Троцкого. Но Сталин понимал, что момент для этого еще не наступил. Компромисс, который он предложил, состоял в том, что Троцкий был снят с поста Наркомвоена, но оставлен членом Политбюро. Наркомвоеном был сделан Фрунзе, ближайший и интимнейший друг Зиновьева. Первым шагом нового Наркома явилось удаление с поста командующего Московским военным округом Муралова как человека, преданного Троцкому. На его место был назначен, по предложению Сталина, Ворошилов. Фрунзе на это согласился с мотивировкой, что Ворошилова полезно иметь в Москве под непосредственным наблюдением: это-де самое верное средство помешать ему делать глупости.

Через несколько месяцев Фрунзе умер вследствие операции, которую его заставили сделать против его воли и — говорят — также против желания врачей. В Политбюро поднялась борьба вокруг кандидатуры на пост Наркомвоена. Зиновьев предлагал Лашевича, Сталин — Орджоникидзе. Когда Зиновьев убедился, что Лашевич не пройдет, он предложил чрезвычайно хитроумный план: предложил кандидатуру самого Сталина, надеясь этим путем устранить Сталина от руководства партаппаратом. Но Сталин живо раскусил этот маневр, и в свою очередь предложил Ворошилова. Зиновьев на это согласился, потому что рассчитывал поладить с Ворошиловым. Но связь между Сталиным и Ворошиловым оказалась прочнее... А много лет спустя Сталин рассказывал своим ближайшим друзьям, что именно в тот момент он впервые убедился в коварстве Зиновьева и решил с ним расправиться.

Когда Ворошилов был назначен Наркомом (вернее, вр. и. д.), он первым делом удалил Тухачевского из главного управления Красной Армии, назначив его командующим военным округом сначала в Ленинград, а затем в Минск. Однако, он был, по настоянию военспецов, оставлен председателем той комиссии по реорганизации Кр. Армии, в которую входили тогда Якир, Уборевич, Примаков и Эйдеман. Все эти лица ныне расстреляны вместе с Тухачевским...

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ. — ПОБЕДА ТУХАЧЕВСКОГО.

Новый конфликт принципиального характера возник при обсуждении нового устава Кр. Армии. Ворошилов стоял на той точке зрения, что Красной Армии все равно никогда не добиться той степени технического снаряжения, какой отличаются армии капиталистических стран, и потому он полагал, что Красной Армии надо будет «обратиться к технике, а энтузиазмом». В очень резкой полемике с ним Тухачевский охарактеризовал эту позицию, как «болтовню, способствующую контрреволюции». Победил в конце концов точка зрения Тухачевского, но Ворошилов затаил в себе злобу.

Целых пять лет Тухачевского продержали в провинции, вдали от центра. Но и будучи там, он всеми считался фактическим главой армии. Ухаживало за ним и сталинское Политбюро. Но все попытки заставить Тухачевского сделать заявление против Троцкого оказались тщетными.

За это время точка зрения Тухачевского была воспринята всей страной. Была создана мощная промышленная база для Кр. Армии, которая в высокой степени подверглась механизации и моторизации. Достигнутые при этом успехи, равно как и обострившееся положение на Дальнем Востоке, создало в военных кругах течение в пользу возвращения Тухачевского в руководящий центр Кр. Армии. Для этого к Сталину была отправлена специальная делегация военных командиров во главе с командиром Особой Дальневосточной Армии Блюхером. Этим путем удалось сломить, наконец, сопротивление Ворошилова, и Тухачевский был назначен заместителем Наркомвоена. Но не первым, а вторым. Первым был сделан Ян Гамарник, принадлежавший в то время к числу ближайших единомышленников Сталина и проводивший вместе с ним кампанию против Зиновьева, Каменева, Троцкого и др. оппозиционеров.

Фактическое руководство делом механизации и моторизации армии находилось, однако, в руках Тухачевского, ближайшими помощниками которого являлись, с одной стороны, **Фельдман**, старый одесский большевик и начальник военного отдела Наркомтяжпрома, с другой стороны — **Замнаркома** этой промышленности — **Пятаков**. Вместе с ними Тухачевский поставил на очень большую высоту техническое снаряжение Кр. Армии, ввел ряд новых конструкций (как, например, «летучие танки»), систему массового парашютизма и т. п. Вместе с тем он постарался поднять на нужную высоту дело военного обучения, в частности, военные школы для офицеров и воентехников.

После прихода Гитлера к власти, отношения с Германией настолько обострились, что руководители Сов. правительства должны были начать думать о возможной войне. В целях ее подготовки решено было популяризировать в народных массах вождей Красной Армии, в том числе и Тухачевского, которого до сих пор знали только в сравнительно узких, чисто-военных кругах. Начиная с этого времени, по специальному постановлению Политбюро, Тухачевскому поручают выступать, вместо Ворошилова, с докладами на съездах Советов и т. п. При этом каждый раз делают попытки заставить его осветить историю Кр. Армии и гражданской войны в духе Сталина-Ворошилова, но Тухачевский от этого упорно уклоняется. Еще в 1936 году ему с этой целью была заказана статья о Красной Армии, но Тухачевский вместо этого написал статью об «основных вопросах организации империалистических армий»...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУХАЧЕВСКОГО.

Тухачевский никогда не был политиком в собственном смысле этого слова; он сознательно ограничивал себя областью чисто военных дел. Но именно с точки зрения военной ему в конце концов пришлось прийти в конфликт с общей политикой Сталина. Убежденный сторонник индустриализации именно с точки зрения интересов армии, Тухачевский по тем-же военным соображениям никак не мог согласиться с **методами**, к которым Сталин прибегал в области коллективизации и индустриализации. Ему, как фактическому вождю Кр. Армии, необходимо было иметь довольное крестьянство, в особенности на окраинах, где живут национальные меньшинства. А между тем, общая политика Сталина и самовластие бюрократического аппарата создавали острое недовольство в крестьянских массах всего Союза, а на окраинах порождали обостренный национализм и сепаратистские устремления.

Тухачевский, Гамарник и другие руководители Кр. Армии не могли остаться безучастными зрителями этого пагубного для мощи Красной Армии процесса. Чтобы добиться изменения политики Сталина и возвращения на путь советской демократии, который они считали единственным путем для спасения Советского Союза, генералы эти вступили в тесный контакт с группами «старых большевиков», которые ставили себе аналогичные политические задачи. На той же точке зрения стоял, независимо от них, и Блюхер. Это он в 1933 году **ультимативно** заявил, что не может гарантировать безопасности восточных границ, если не будут приняты немедленно меры для умиротворения сибирского и дальневосточного крестьянства (как известно, эти уступки были даны особым декретом).

Вместе с вождями оппозиции генералы выработали программу восстановления советской демократии и устранения диктаторского режима. В основу этой программы легла ленинская конституция. «Демократическую конституцию» Сталина они считали простым издевательством над советской действительностью.

ЛИКВИДАЦИЯ ЯГОДЫ.

Когда сталинское ГПУ во главе с Ягодой начало свой истребительный поход против оппозиции, оно вначале оставило в стороне Кр. Армию. Но между ГПУ и Красной Армией давно уже назревал отчасти ведомственный, отчасти политический конфликт. Вожди Кр. Армии были против того дуализма, который создавался, благодаря наличности особой армии ГПУ. Под давлением командования Кр. Армии, Сталин в конце концов ликвидировал этот дуализм, но сделал это так, что и армия, и войска ГПУ оказались подчиненными его **личной диктатуре**. Так или иначе, мощь ГПУ, как «государства в государстве», была сломлена при помощи Красной Армии. И вместе с тем пал и Ягода.

Но подчинив себе полностью ГПУ, Сталин принялся за расправу с оппозиционными элементами внутри Кр. Армии.

САМОУБИЙСТВО ГАМАРНИКА. — СУД НАД ТУХАЧЕВСКИМ.

Как известно, Радек на процессе Пятакова назвал имена Тухачевского, Гамарника и др., предав таким путем своих

же собственных товарищей по оппозиции. Гамарник сам стоял на той точке зрения, что время работает на советскую демократическую оппозицию, и что поэтому вожди этой оппозиции должны идти на все, чтобы сохранить свое физическое существование до решительного момента. Он, поэтому, советовал Пятакову подчиниться Сталину и выполнить все, что от него требовали, склоняя, с другой стороны, Сталина не выполнять смертного приговора по отношению к Пятакову и другим. Как известно, план Гамарника не удался. Он убедился в этом, когда к нему пришли с арестом, и застрелился, не дав себя взять живым.

Что касается знаменитого «суда» над Тухачевским и его товарищами, то факт тот, что суд этот произошел уже **после того, как все обвиняемые были расстреляны**. Да и вообще не было никакого «процесса», ибо военный суд ни разу не собрался. Члены этого суда, о назначении которых было опубликовано в прессе, ни разу не собрались на заседание, а им просто было предложено каждому в отдельности подписать протокол о вынесении смертного приговора. При этом особое коварство было проявлено Сталиным по отношению к Блюхеру: его назначили в члены суда для того, чтобы скомпрометировать его, как оппозиционера.

ИЗ ПАРТИИ

М. И. БРОЙДО

Когда в марте этого года, после длинного промежутка времени, я снова встретил в Лондоне своего старого товарища и друга, Марка Исаевича Бройдо, ни одному из нас, конечно, и в голову не приходило, что это — последнее наше свидание. И менее всего мог я предполагать, что через каких-нибудь четыре с половиною месяца мне, вместе со всею партией, придется оплакивать смерть этого жизнерадостного, бодрого, крепкого человека, выглядевшего гораздо моложе своих 58 лет.

Судьба напоследок как будто улыбнулась Марку Исаевичу — конечно, той грустной полуулыбкой, о которой только и может мечтать обреченный на изгнание русский социалист, — но все же улыбнулась. Из Данцига, куда закинула его служба в коммерческом предприятии и где он, и потеряв службу, до самого конца 1936 года продолжал работать в немецкой социалистической печати, пока данцигская гитлеровщина не уничтожила всякую возможность такой работы, ему удалось перебраться в Лондон, к сыну и дочери. Ему удалось, — что так трудно, — получить право на пребывание в Англии. Ему удалось, — что еще труднее, — получить от английских властей право на работу. Ему удалось, наконец, — верх удачи! — получить самое работу. Но прежде чем он успел приступить к ней, острое заболевание, потребовавшее срочного хирургического вмешательства, в несколько дней свело его в могилу.

Марк Исаевич, вместе с женой своей, известной всему русскому и международному социалистическому миру Евой Львовной Бройдо, вот уже с десятков лет томившейся в сталинской тюрьме и ссылке, вдали от родных и друзей, — был видной и широчайшим кругам знакомой фигурой и в социал-демократическом подполье, и в той легальной и полуполитической работе, которая стала возможна после революции 1905 года, и в партийной литературе, причем особенно интересовала его всегда литература популярная, массовая: его созданием была, между прочим, нелегальная «Рабочая Библиотека», составлявшаяся и печатавшаяся в России в 1902-1903 годах и послужившая причиной его ссылки на 8 лет в Восточную Сибирь. Здесь он стал одним из героев знаменитой «Якутской обороны» в феврале-марте 1904 года, когда 51 ссыльный Якутской области (среди них было 7 женщин), в знак протеста против насилия и произвола администрации, заперлись и забаррикадировались в доме Романова и в течение двух недель оказывали вооруженное сопротивление обстреливавшим дом войскам и полиции, потеряв убитым одного из лучших своих товарищей, кузнеца Юрия Матлахова. Приговоренному в августе 1904 г. за это героическое сопротивление к каторжным работам, Марку Исаевичу удалось еще с дороги в каторгу бежать и соединиться в Баку с еще раньше бежавшей из ссылки женой для той самоотверженной подпольной работы, которая так ярко описана т. Евой Бройдо в ее известной книге «Зарницы революции».

Только революция 1905 года позволила ему вернуться к легальному существованию и взяться за ту работу, в которой до самой революции 1917 года так причудливо смешивалось «нелегальное» с «легальным» и которая то и дело прерывалась обысками, арестами, ссылкой и тюрьмой. В

«февральский» период революции 1917 года М. И. стоял во главе канцелярии Совета, где сосредоточивалось все обширное делопроизводство Всероссийского и Петербургского Исполнительных Комитетов. В 1920 году ему и Еве Львовне пришлось покинуть Советскую Россию и начать ту эмигрантскую жизнь, которая для Евы Львовны кончилась возвращением в Советский Союз на партийную работу и непрерывающимся понижением по тюрьмам и ссылке, а для Марка Исаевича — смертью, постигнувшей его 18 июля.

Не только личные друзья Марка Исаевича и члены партии, — все встречавшиеся с ним будут с грустью вспоминать этого приветливого, мягкого человека. В историю же партии имя его неизгладимо вписано — им самим, его самоотверженным и честным служением партийному делу...

Ф. Дан.

ОТ РЕД.: За недостатком места откладываются следующие номера статьи Ф. Д. «Лукавые ответы» (по поводу «Бюллетеня» Троцкого) и Аустриакуса о советской проблеме и международном единстве пролетариата.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ:

Amis de la Vérité sur l'U.R.S.S. N. 5 — *Les Procès Politiques en U. R. S. S.* Article d'Edouard Herriot et réponse des « Ivestia », 1937. Fr. 0,50. — N. 6: *Un Mineur Français en U. R. S. S.* Rapport de Kléber Legay. Fr. 1,50.

La liberté syndicale existe-t-elle en Autriche ? Exposé soumis au Congrès de l'Association Internationale pour le Progrès social à Paris, 1937.

Promethée, N.N. 125, 126.

Palestine and Middle East. Economic Magazine, Tel-Aviv, N.N. 1-5.

Paul Gsell. Le théâtre soviétique. Editions Sociales Internationales.

Gustav Richter. Die legalen Arbeiterorganisationen und der Sozialismus in Oesterreich.

La belle Autriche.

National Council of Labour. Statement on the Labour Relief work for Spain. London.

La Révolution Proletarienne. N. 250,251.

Deutschland-Berichte du Sozialdem. Partei Deutschlands (Sopade). N. 6.

Neuer Weg, Frankreich-Information, N. 2.

Neuer Weg, Anfang Juli 1937, N. 3.

Neuer Weg, Spanien-Information, N. 4.

Der Kampf, N. 8. August 1937.

International Review, vol. 2, N. 5. June 1937.

Delnicka Osveta, N. 6.

Bulletin du Bureau de Presse Ukrainien, N. 23-24.

Parti Socialiste (S. F. I. O.), 34e Congrès National. — Rapports (annexes).

Знамя России, № 6-7 (94-95).

Новая Россия, №№ 30, 31, 32.

Оборонческое Движение, № 3. Июнь 1937.

Бюллетень Экон. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича, № 136. Тризуб, № 27 (577).

Социаль-Демократ. Орган закордонних організацій УСДРП. № 20.

Вістник Української Громади у Франції, № 62.

Наше Слово. Орган Р. Д. О., № 8.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 56-57.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(17-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

Абонемент на одно из следующих изданий:

1) «*Kampf*» — на 1/2 г. 2) «*Idée et Action*» — на полгода.

Одну из следующих книг:

1) *Otto Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen*, 1936.
2) *Léon Blum. La réforme gouvernementale*, 1936
3) *A. Gide. Retour de l'U.R.S.S.* 1936.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно